[Polaris]

Альбер Робида

Война в двадцатом веке

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XCI

АЛЬБЕР
РОБИДА

ВОЙНА В ДВАДЦАТОМ ВЕКЕ

Salamandra P.V.V.

Робида А.

Война в двадцатом веке. Пер. С. Аверинцевой. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 97 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XCI).

Впервые на русском языке – «Война в двадцатом веке» (1887), одно из центральных произведений выдающегося французского карикатуриста, сатирика, писателя и фантаста-провидца Альбера Робида (1848-1926), которого часто называют «отцом стимпанка» и «Жюлем Верном иллюстрации». И хотя Робида, в отличие от своего прославленного современника, прежде всего стремился развлечь читателя, многое в его предвидениях оправдалось с пугающей точностью...

© S. Averintseva, перевод, 2015
© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

La Guerre au Vingtième Siècle

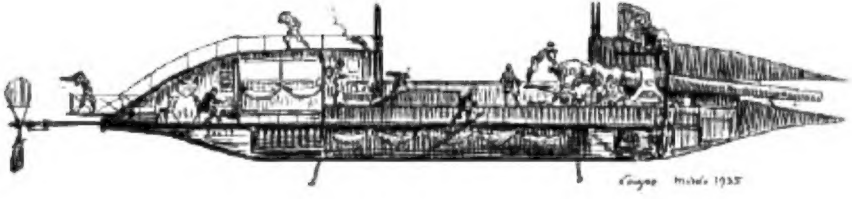
A. Robida

LA GUERRE AU VINGTIÈME SIÈCLE

Texte et illustrations
par
ALBERT ROBIDA

LA GUERRE

AU VINGTIÈME SIÈCLE

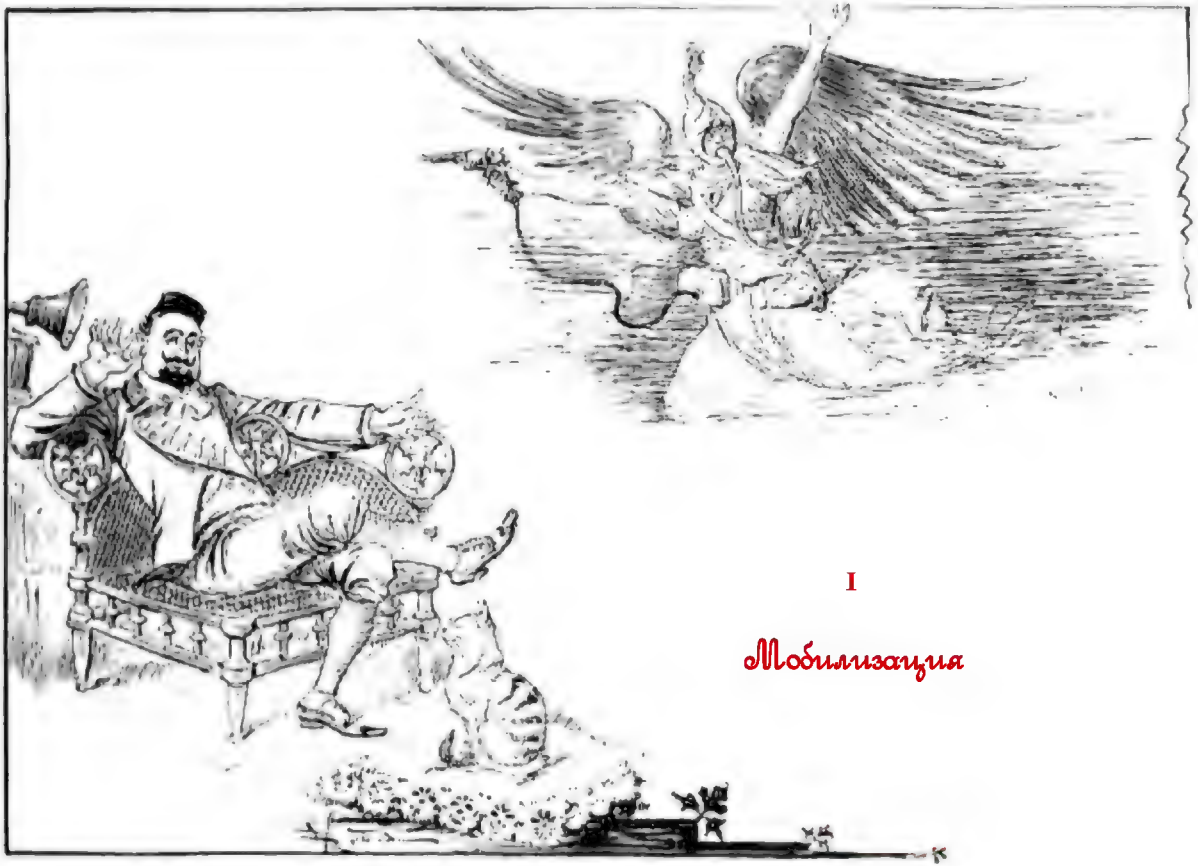


LA GUERRE au Vingtième Siècle

par

A. Robida

PARIS
Georges Decaux éditeur

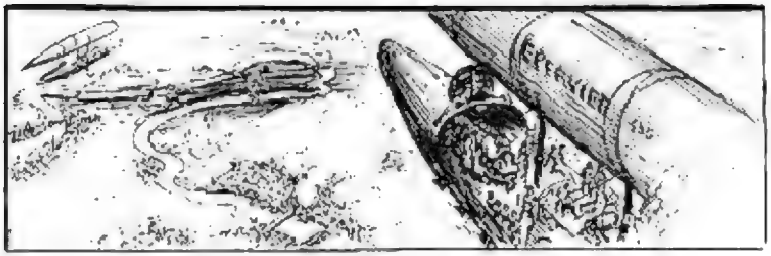


I

Мобилизация

Первая половина 1945 года выдалась исключительно мирной. За исключением обычных происшествий, то есть небольшой трехмесячной гражданской войны в Дунайской империи, американского нападения на наши берега, отраженного нашим доблестным подводным флотом, и китайской экспедиции, вдребезги разбившейся о скалы Корсики, в жизни Европы царило полнейшее спокойствие.

25 июня 1945 года мой друг Фабиус Молина, житель Тулузы, достопочтенный рантье и приятнейший во всех отношениях малый, безмятежно отдыхал, покуривая сигарету, перед большими распахнутыми окнами, выходящими в сад, откуда доносились ароматы цветов и веяли ветерки Пиренеев. Фабиус изрядно устал, ибо вот уже два дня паковал вещи, готовясь к сезону морских купаний, каковой намеревался провести на пляжах норвежского побережья.



Молина был так занят своими приготовлениями, что даже не успел прослушать телефонные газеты; с немалым удивлением узнал он из полуденного выпуска 25-го июня, что за последние два дня возник повод к войне и розовый политический горизонт застило непроглядно-черное облако. Тем более грозным казалось то, что конфликт был вызван сугубо финансовыми причинами — вопрос состоял в таможенных тарифах и откровенно касался национальных интересов; коммерция есть коммерция, и в наши дни торговые соглашения навязываются артиллерийским огнем.

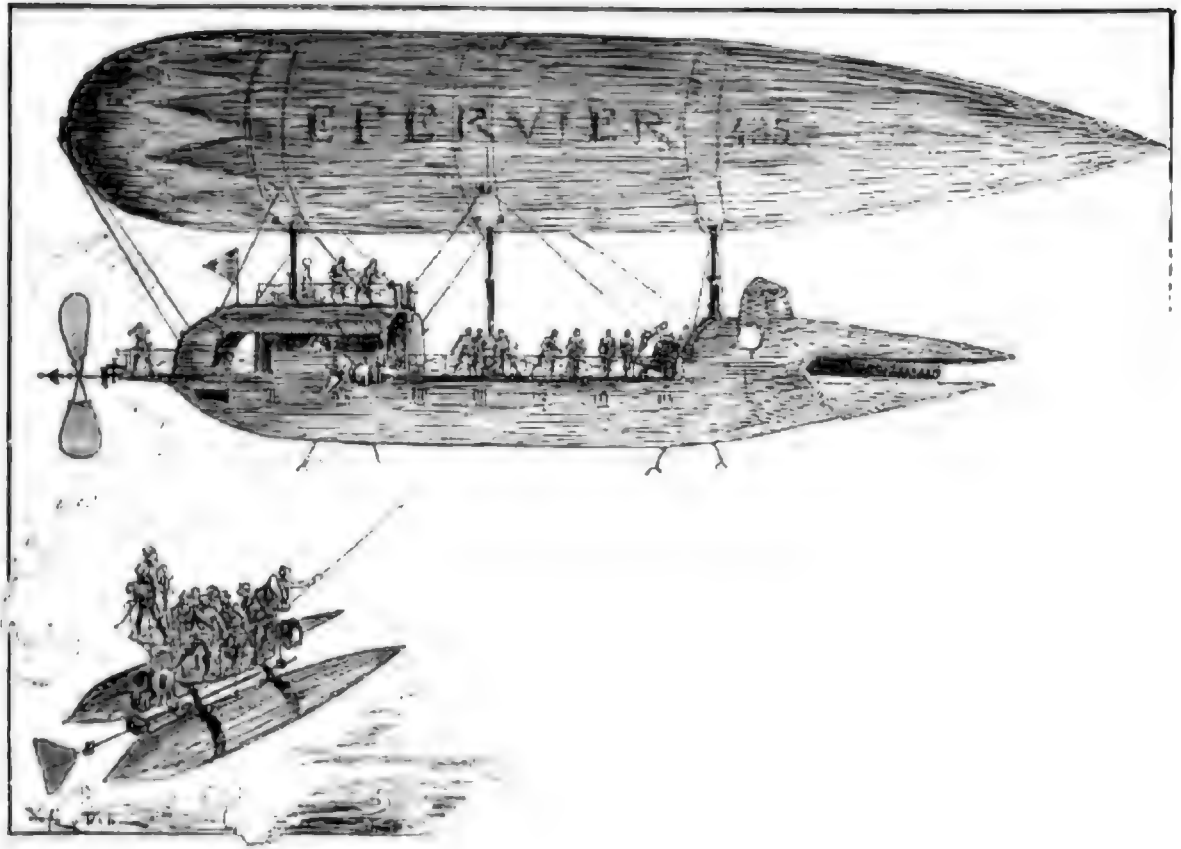
— Поглядите-ка! — подумал Молина. — Надеюсь только, это не испортит купальный сезон!

Не успел он докурить сигарету, как телефонограф произнес:

«Приказ о мобилизации.

Господин Молина Фабиус назначается канониром 2-го класса 18-й территориальной аэросекции, 6-й эскадрильи. Сегодня, в 5 часов, ему надлежит явиться на аэронеф “Ястреб”*, пребывающий на высоте 3,200 метров над Понтуазом».

* «Épervier», букв. «ястреб-перепелятник» (*Здесь и далее прим. пер.*).


EPERVIER 45

— Черт побери! — вскричал Молина, вскакивая на ноги, — почти десять часов!.. у меня совсем нет времени!.. Плакали в этом году морские купания!

Привыкший к внезапным отъездам, Молина спешно телефонировал несколько прощальных слов, сложил бумаги и, открыв ящики, нашел свое военное снаряжение в полном порядке. Сорок пять минут спустя Молина, втиснутый в лосины и перетянутый ремнем френч, с автоматическим револьвером и саблей на поясе и висевшим на перевязи кислородным баллоном, вместе с многочисленными попутчиками очутился на станции парижской ветки подземной железной дороги.

Специальный поезд домчал мобилизованных до Парижа. В десять минут пятого, немного ошеломленные, они высадились на центральном вокзале. Аэронефы подняли войска в воздух, и ровно в пять часов пополудни авиасолдаты, направлявшиеся на «Ястреб», ступили на палубу воздушного корабля.

Капитан «Ястреба» собрал людей и в нескольких скупых фразах, исполненных патриориотического трепета, сообщил им, что война будет объявлена точно в полночь. Команда торопливо разошлась по боевым постам. Время от времени капитан появлялся в рубке. Внезапно, по сигналу снизу, лейтенант нажал на кнопку, электрический двигатель пришел в действие и «Ястреб» рванулся вперед, увлекая моего приятеля Молина к славе.

На рассвете тошнотворный запах заставил Молина вскочить с гамака, и он вышел на мостик «Ястреба». Воздушный корабль пробирался сквозь густой туман.

Эскадра пролетала над дивизионом аэрозаградителей, которые рассеивали над границей непроницаемый туман, предназначенный для сокрытия военных операций.

II

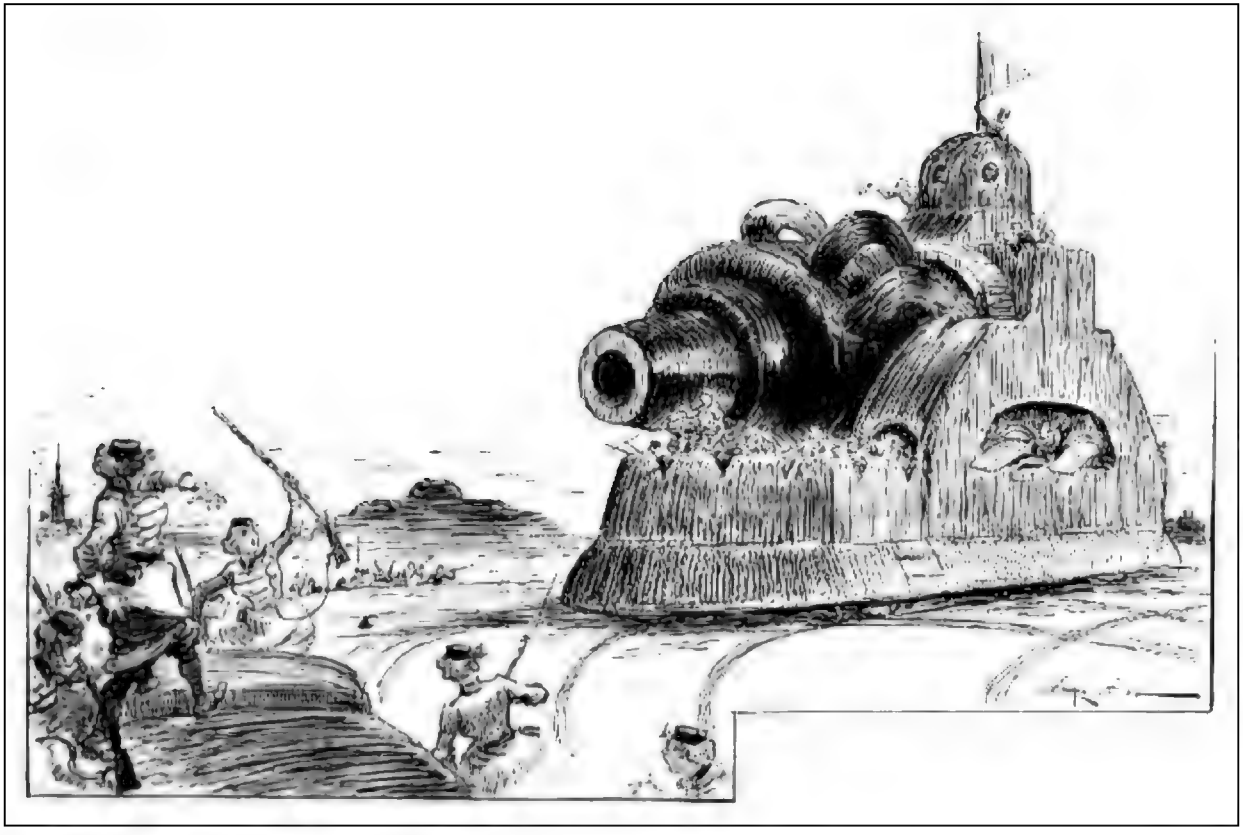
Передвижные блокгаузы

Фабиус, опираясь о поручень «Ястреба» и оцепенев от головокружительной быстроты событий, погрузился в полусон; ему чудилось, будто он оказался на морском берегу.

— Захватил ли я купальные костюмы? Черт побери! Только сшитые на заказ купальные трико можно назвать изящными...

Выстрел из пушки, прозвучавший чуть ли над ухом, самым жестоким образом вернул его к действительности. Фабиус открыл глаза и увидел внизу, на расстоянии 600 метров, отряд вражеских передвижных блокгаузов, остановленных на своем пути туманом. Свисток инженера призвал команду «Ястреба» на боевые посты; эскадрилья мгновенно перестроилась, корабли выстроились в линию, чтобы атаковать вражеский отряд с фронта и фланга. Противник тем временем до предела напрягал электрические двигатели, надеясь скрыться. «Ястреб» и пять других аэронефов ринулись на врага и схватились с неприятелем вплотную.

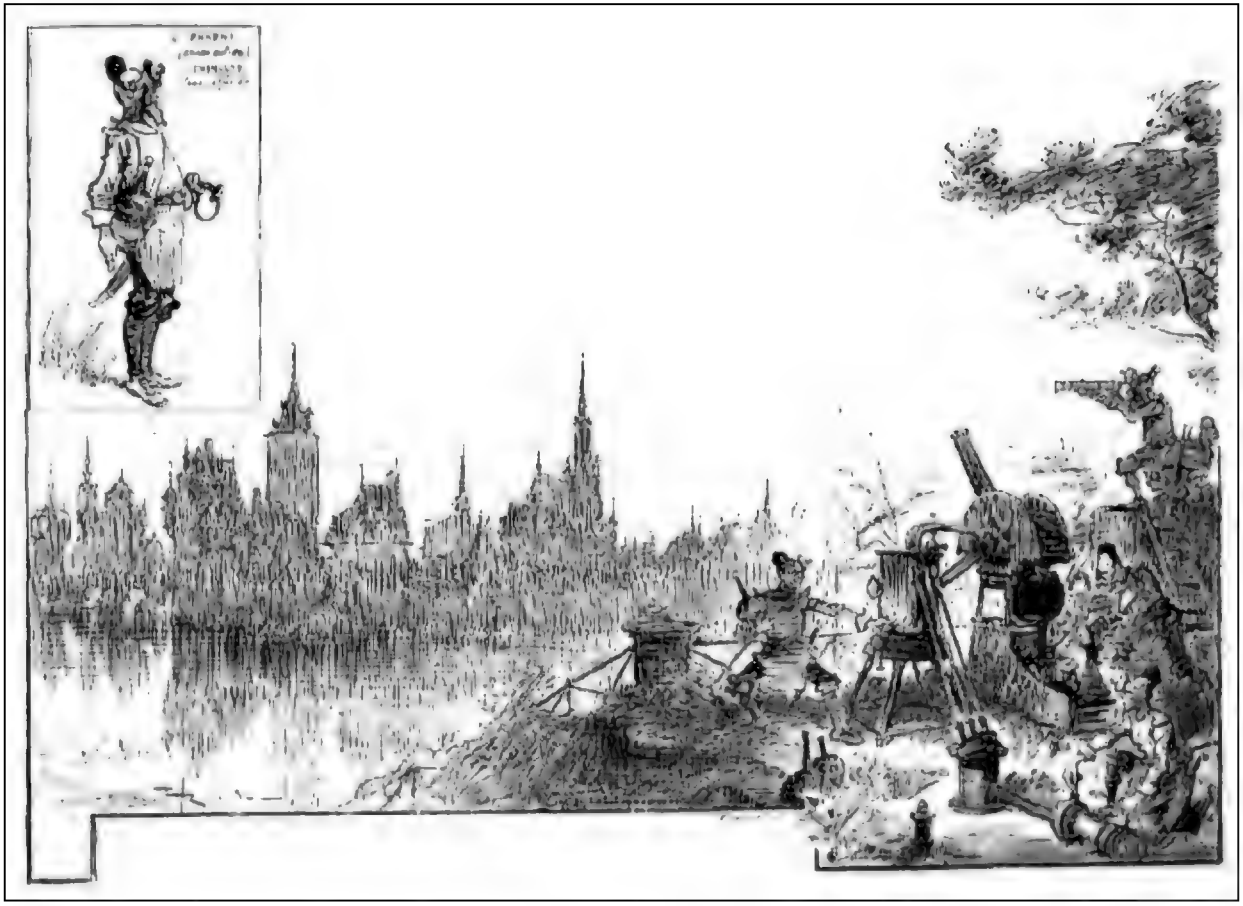
Фабиус, второй канонир орудийного порта, передавал снаряды заряжающему и не видел подробностей сражения; но вдруг заряд картечи угодил прямо в амбразуру и поразил наводчика и весь остальной расчет — лишь Молина остался невредим. Не медля ни секунды, он подскочил к заряженному орудию, с превеликим хладнокровием навел его и выстрелил. За пушечным выстрелом последовал чудовищный взрыв и вражеский блокгауз разлетелся на куски.



Туман мало-помалу разошелся, и взгляду открылся весь ужас битвы. С дюжину блокгаузов были уничтожены; остальные вяло сопротивлялись, однако внизу, на земле, дымились обломки двух аэронефов.

Сильно пострадавший «Ястреб» спикировал на группу блокгаузов и принялся расстреливать их экипажи, которым пришлось сложить оружие. Все было кончено: лишь немногие вражеские блокгаузы сумели укрыться в лесу, и аэронефы были вынуждены прекратить преследование. Команды «Ястреба» и нескольких других аэронефов, поврежденных в бою, были распределены по трофейным блокгаузам и отправлены вперед. Фабиус, получивший за храбрость звание суб-инженера, принял под свое командование ведущий блокгауз.

На полной скорости — вперед! Около девяти утра блокгауз, мчавшийся так стремительно, словно за ним кто-то гнался, без усилий прорвал укрепления опорного пункта, охраняемого женской территориальной бригадой врага, мобилизованной для поддержки 1-й и 2-й линий войск, состоявших из мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. Этих неопытных воительниц ждал неприятный сюрприз! В мгновение ока они были разоружены, и город был взят.



Увы! оккупации города не суждено было долго продлиться. Вовремя перерезать все телефонные провода оказалось невозможно, и противник, будучи предупрежден, решил покончить с отважным маленьким отрядом, осмелившимся забраться так далеко.

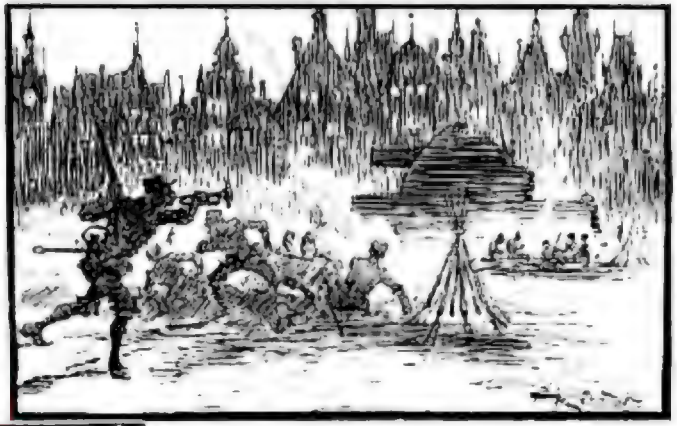
Около полуночи вражеский батальон в сопровождении блокгаузов, остановившихся в нескольких километрах от города, незаметно проник в предместье. Друг за другом скользили по улицам люди, одетые в форму химических войск; поверх мундиров на них были фартуки, головы и шеи прикрывали кожаные шлемы. Бесшумно, на террасе сада, они собрали странные и таинственные инструменты, скрепили разобранные части, подсоединили трубки; и через десять минут, когда полевая химическая батарея была готова к стрельбе, они опустили забрала, наглухо закрыв свои шлемы, заняли боевые посты и принялись ждать приказа командира.

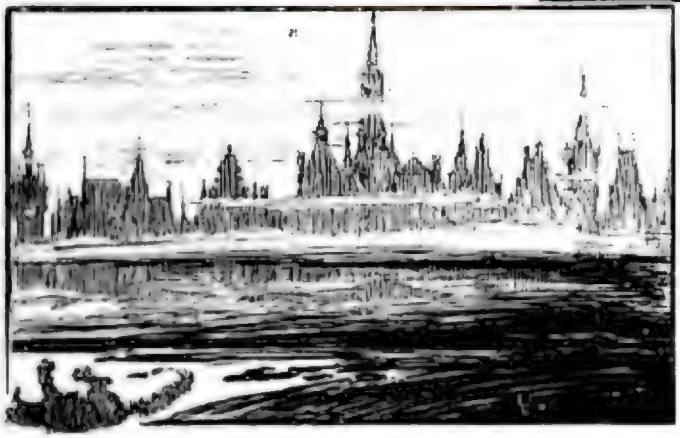
— Огонь!

Одна за другой четыре бомбы с удушающим газом описали в небе короткие дуги.

III

Город застигнут врасплох



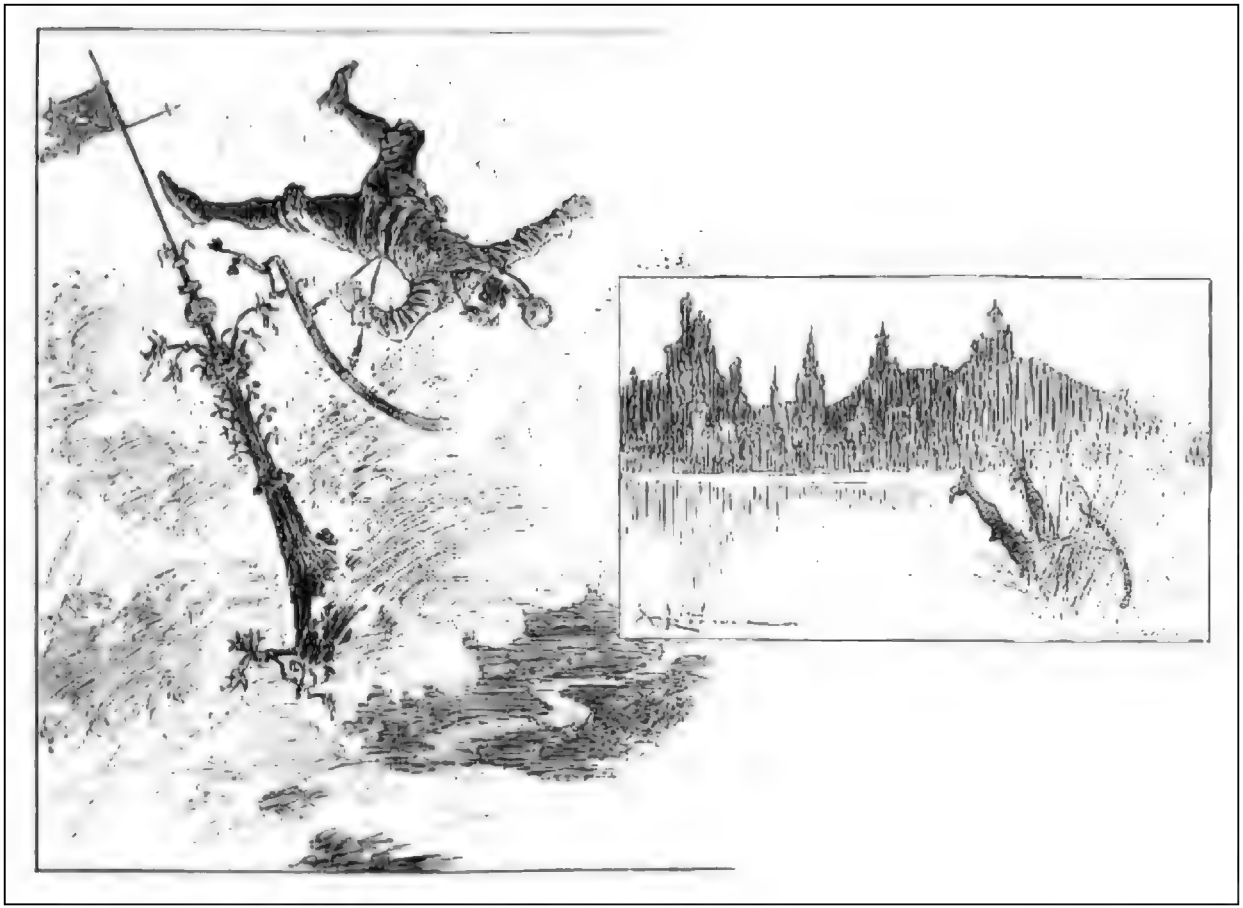


Товарищи Фабиуса отдыхали, расположившись вокруг лагерных костров. Часовой, заметив что-то подозрительное в темноте, хотел было поднять тревогу, когда первая бомба разорвалась, выпустив зеленоватое облако. Громкий крик, немного дыма... Последовали еще три бомбы. Наступила полная тишина. Костры бивуака погасли, и пелена смерти покрыла все; даже несчастные жители, остававшиеся в городе, мгновенно задохнулись в своих домах! Подобные эксцессы на войне случаются, к чему нас приучили недавние успехи науки.

По счастливой случайности, Фабиус, страдая от голода и жажды, отправился на поиски пропитания и в момент взрыва спустился в подвал, полностью огражденный от доступа воздуха извне. В отличие от своих спутников, он избежал удушья, но пролежал тридцать шесть часов без сознания, без пищи и воды!

В это время генеральный командующий вооруженных сил, получив известие о том, что город вновь перешел в руки неприятеля, выслал отряд воздушных торпедоносцев дальнего радиуса действия — модели 1944.

Торпедоносцы, спрятавшись в перьевых и кучевых облаках на высоте 3,000 метров, терпеливо ждали, пока первые вечерние тени не упали на город. Затем они завели моторы, бросились вниз с небесных высот и, выйдя на прицельное расстояние, выпустили свои ужасные снаряды. Внезапно весь город, сорванный с места, приподнялся над землей, вспучился, пошел трещинами и взлетел на воздух.



К счастью, Молина, по-прежнему не приходя в сознание, вместе с некоторыми легкими обломками быстро пролетел сквозь подвал и тем спасся от потока огня; дымный столб вынес его наружу; немного опаленный, он вдруг очнулся и отчаянно вцепился в какой-то предмет, который нащупал рукой. Предмет оказался флюгером, подброшенным в воздух вместе с ним. Движение вверх прекратилось, и в одно тревожное мгновение Молина почувствовал, что вот-вот начнет падать. Тридцатью секундами позднее он ощутил резкий холод.

IV
Наступательные
медицинские
войска

Пролежав несколько секунд без сознания на дне реки, Молина пришел в себя и, оглушенный и оторопевший, с трудом вынырнул на поверхность. Он поплыл прямо к берегу, где ему удалось спрятаться в камышах.

Ближе к вечеру на берегу появились вражеские химики и принялись с наслаждением купаться в реке. Молина выбрался из воды, завладел мундиром одного из солдат и присоединился к патрулю, возвращавшемуся в накрытый куполом форт. Унтер-офицер велел ему сторожить обширный зал. Здесь командиры наступательных медицинских войск, состоявших из инженеров-химиков, медиков и фармацевтов, обсуждали заряды, которые предполагалось заложить на пути французской армии: двенадцать мин с концентрированными миазмами, а также микробами злокачественной лихорадки, кожного сапа, дизентерии, кори, острой одонталгии* и прочих заболеваний.

Бомбы были приготовлены, цинковые сосуды с миазмами и колбы с необходимыми микробами погружены в ящики...

Однако Фабиус, благодаря знанию языка, понял все. Возвышенная решимость воспламенила его сердце, и он бросился на спасение армии.

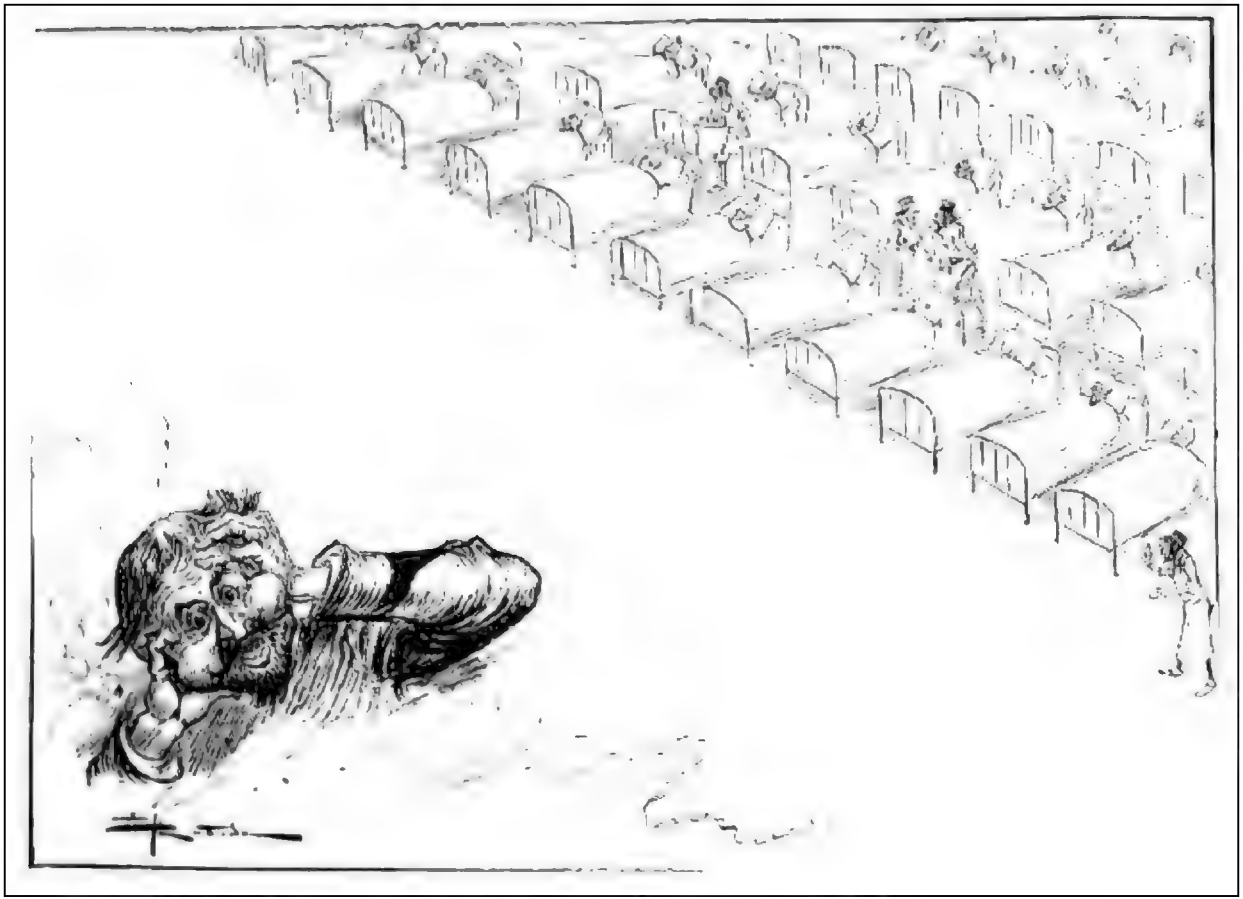
---

* Т. е. зубной боли.

Он быстро прицелился и выпустил все пули из ружейного магазина в огромный резервуар с миазмами и химическими веществами...

Адский, ужасающий взрыв последовал за выстрелами героического Молина!!!

Все взорвалось — резервуар, ящики! Концентрированные и сжатые миазмы высвободились с небывалой яростью, плотные дымовые смерчи закружились в воздухе и, вылетев из всех бойниц и щелей, растеклись по равнине и поднялись в атмосферу, неся с собою неописуемые запахи и неисчислимые болезнетворные бактерии.



Ничего не осталось от штабного зала; генералы, офицеры, инженеры-химики, медики, солдаты — все были сбиты с ног взрывом и корчились теперь на полу, страдая от многочисленных заболеваний, вырвавшихся на свободу благодаря пулям Молина. Эпидемии молниеносно поразили вражескую армию и в течение пяти минут посеяли хаос в радиусе пятнадцати лиг. Забрало химического шлема оградило Фабиуса, готового пожертвовать своей жизнью, и он испытывал лишь невыносимую зубную боль.

Французская армия, по счастью, избегла заражения. Инженер-микробист французских наступательных медицинских войск, находившийся на одном из дальних аванпостов, услышал отдаленный грохот взрыва, осознал смысл постигшего противника несчастья и телефонировал генералу, который приказал выдвинуть все имеющиеся в наличии химические батареи и накрыть расположение армии облаком защитного тумана. Избавившись от неприятеля, угрожавшего его левому флангу, генерал под покровом тумана покинул зараженную местность и, совершив внезапный обходной маневр, обрушился на вражеские силы, стоявшие справа. Молина, все еще борясь с зубной болью, в это время присоединился к армии и предстал с рапортом перед генералом.

Уставший от поздравлений генерала и объятий всего генерального штаба, награжденный и упомянутый в приказе по армии, Молина наконец почувствовал, что боль в зубах начала успокаиваться.

Но зубная боль, к сожалению, возымела обыкновение возвращаться, и вскоре Молина пришлось обзавестись полным набором вставных зубов.

Спешим сообщить, что вражеские госпитали приняли 179, 549 больных, как военных, так и гражданских лиц, и что сочетание различных миазмов вызвало примечательное и совершенно новое заболевание. Болезнь изучали врачи всей Европы, и сегодня она известна под названием лихорадки Молина, по имени ее невольного изобретателя; место же, где она зародилась, продолжает оставаться небезопасным для здоровья.

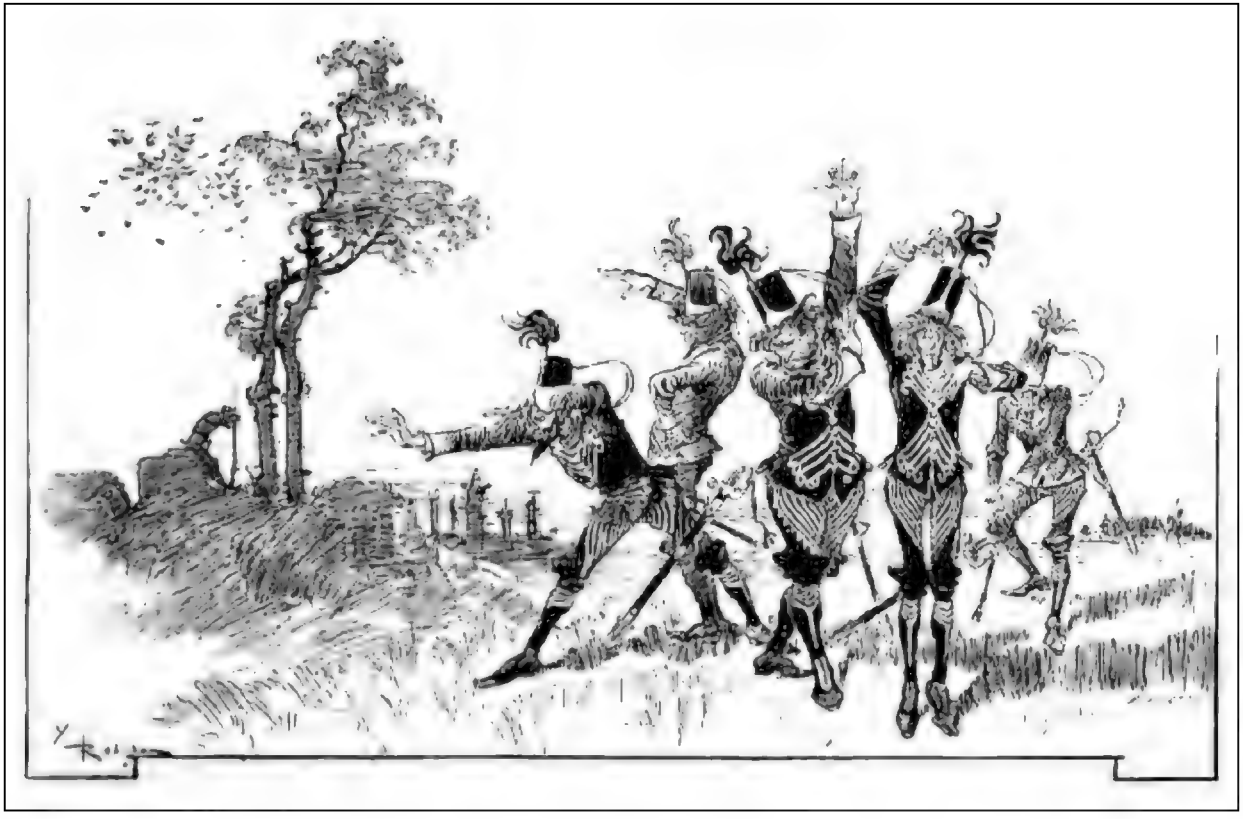
V

Осадные операции. — Помписты и медиумы.

В награду за выдающееся поведение в бою, Молина получил звание суб-лейтенанта отряда артиллеристов-помпистов. Помписты представляли собой новое подразделение, своего рода чрезвычайно мобильную артиллерию, которая могла мгновенно добраться до любого пункта и открыть по врагу жестокий огонь с позиций, недоступных для обычной артиллерии. Молина принял под свое командование четыре помпы, каждую из которых обслуживали пять человек. В первой же стычке, превратившейся в жаркую схватку, Молина и его помписты укрылись в развалинах дома и выдержали четыре атаки подряд; подкрепления трижды сменяли погибших людей, и только Молина вернулся с поля брани без единой царапины. В тот же вечер он был произведен в лейтенанты.

Район, где действовала армия, был усеян рядами мин, соединенных проводами; и мины, и укрепленные артиллерийские позиции были тщательно замаскированы. Все передвигались с большой осторожностью; электрики и медиумы выдвинулись вперед, чтобы определить местонахождение мин и затем разрядить вражеские снаряды. Поскольку дивизион аэронефов был занят собственными операциями, неприятельские укрепления нельзя было подвергнуть динамитной бомбардировке с воздуха; требовалась правильная осада. Тяжелой артиллерии, благодаря серии удачных выстрелов, удалось повредить либо разрушить механизмы, приводящие в движение орудийные башни фортов; пехотные колонны подобрались ближе и неожиданно атаковали форты сквозь проломы в стенах.

Армия, взяв укрепления первой линии, готовилась к осаде важной крепости. Организовав для отвода глаз ложную атаку на другом участке, генерал в одну темную ночь выставил в авангард отделение состоявших в резерве медиумов, приданных его армии министерством наук.



Упомянутые медиумы, включавшие, по мнению ученых, самых сильных магнетизеров и гипнотизеров Парижа, медленно приблизились к вражеским позициям и исторгли энергетическими пассами волны флюидов. Тревожная, роковая минута! Откроют ли неприятельские посты огонь либо же, укрощенные флюидами, позволят медиумам беспрепятственно пройти?..

Царит глубокое молчание, медиумы продвигаются вперед, пересекают вражеские линии; за ними следует колонна солдат, находя по пути сперва отдельных часовых и небольшие посты в состоянии каталепсии, затем и весь гарнизон редута, недвижно распростертый на земле и погруженный в магнетический сон. Генерал, получив известия по телефону, приказывает солдатам атаковать, торопясь занять редут без единого выстрела.

Медиумы падают без сил, им необходимо отдохнуть по крайней мере два часа. Промедление смерти подобно! Враг может сокрушить редут с помощью удушающих газов, прежде чем он будет подготовлен к обороне. Но неприятель ничего не замечает, его орудия молчат.

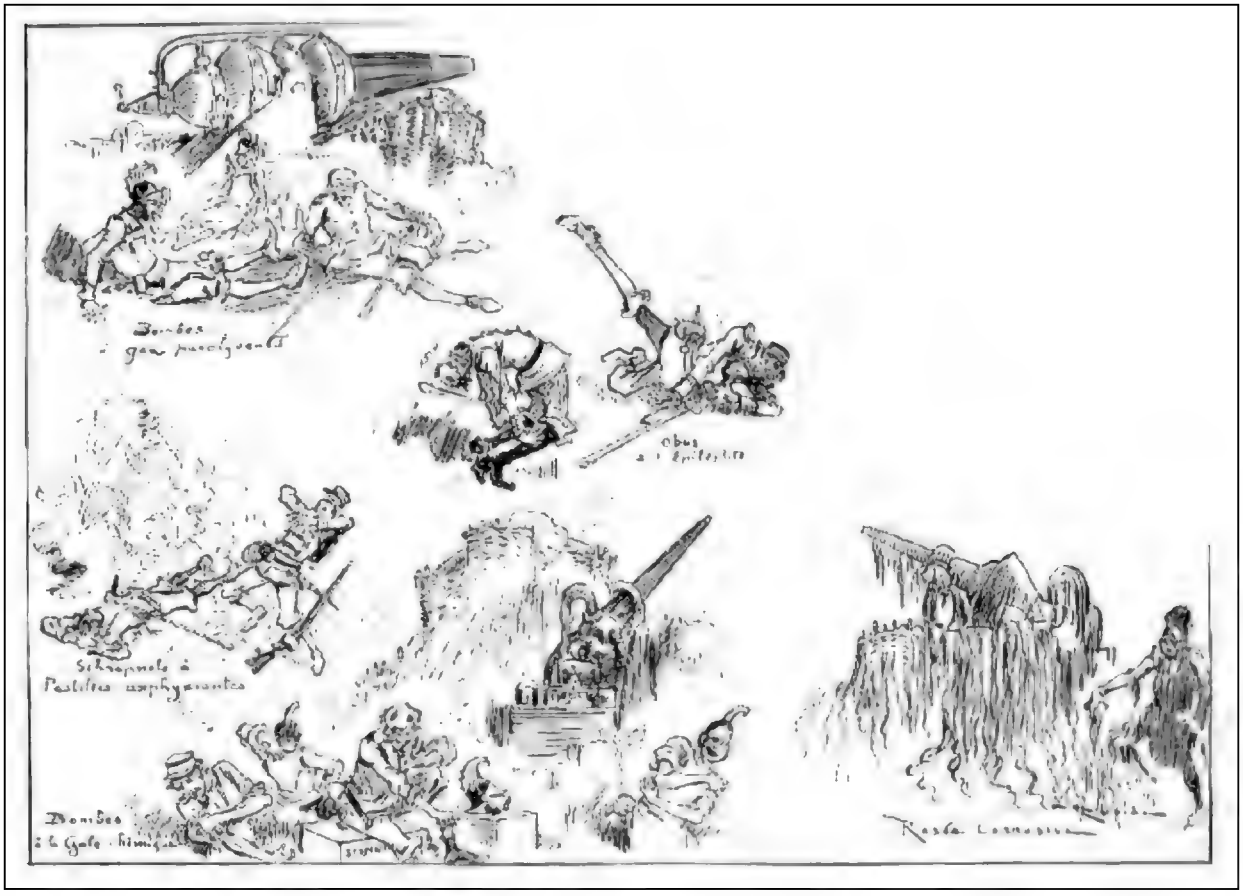
С первыми лучами рассвета, восстановившие свою энергию медиумы вновь приступают к пассам. Неимоверным усилием воли, потеряв трех гипнотизеров, павших жертвами мозговых бурь, главный медиум путем магнетического внушения убеждает командира расположенных к югу от города укреплений капитулировать.

VI

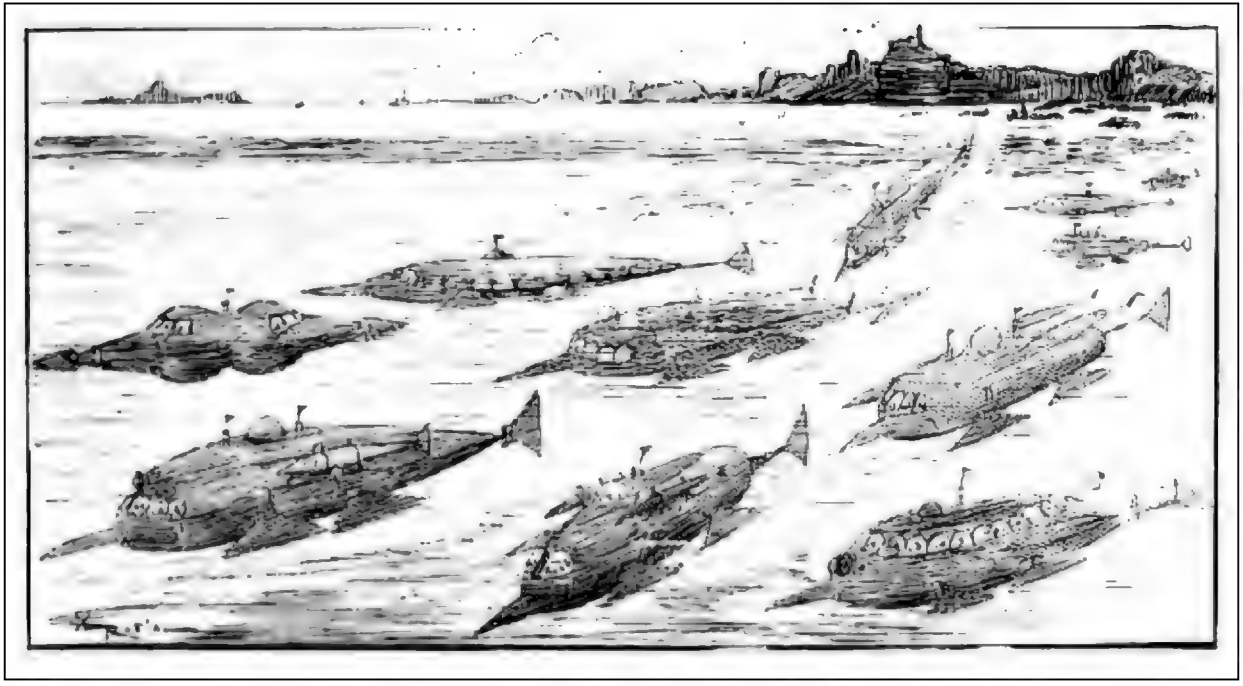
Бесстрашная химическая батарея

Но дело еще не кончено. Медиумам, после заслуженного отдыха, пришлось направить все усилия на основные оборонительные рубежи; тем же вечером они возобновили свои действия. К несчастью, в горячке наступления медиумы позабыли разрядить мины, которые враг разместил в окрестностях, и все отделение было стерто в порошок взрывом заряда, пробужденного к детонации магнетическими пассами.

Оставалось прибегнуть к регулярной осаде. Ночью, под прикрытием дождя всевозможных снарядов, генерал собрал большую осадную химическую батарею.

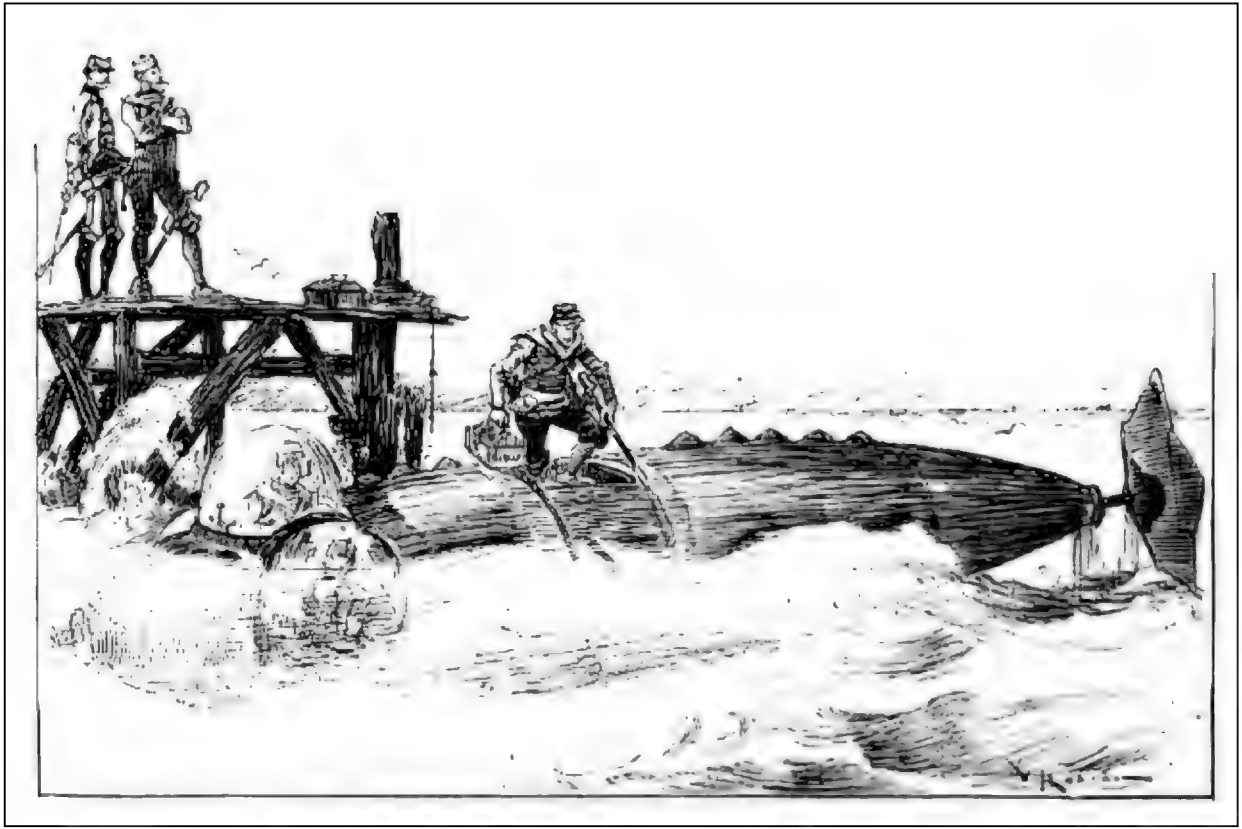


Зрелище невыразимого ужаса! Небо пылало от красных, зеленых, фиолетовых, желтых и голубых вспышек, пролетавших внезапными искрящимися трассами, в воздухе скрещивались горящие хвосты тысяч снарядов, химические сосуды и бомбы прочерчивали огненные пути, взрываясь в разноцветных облаках газов и дыма. Неприятельские химики также не сидели сложа руки; то была эпическая дуэль между научными войсками враждующих сторон. С наступлением дня враг демаскировал две батареи, осыпавшие наших солдат бомбами с парализующим газом. Парализованные либо охваченные смертельной каталепсией солдаты падали на орудия. В ответ были посланы снаряды с миазмами, вызывавшими страшные приступы эпилепсии. Но удушающие снаряды противника по-прежнему градом обрушивались на наши позиции, равно как и канистры, заряженные химической чесоткой, этим великолепным изобретением выдающегося вражеского ученого.



Наши химики жесточайше страдали, пока наконец один из инженеров не придумал бомбы с едкой росой (распространяющаяся в атмосфере серная кислота, за изобретение которой он был награжден медалью Академии наук); за одну ночь едкая роса уничтожила неприятельские батареи.

В этот промежуток времени стало известно, что флотилия вражеских субмарин собирается покинуть порт приписки и отплыть в неизвестном направлении, очевидно, намереваясь разрушить наши порты либо высадить десант где-либо на наших берегах. Команда дозорного корабля, осмелившегося пересечь враждебные воды, видела величественные подводные мониторы неприятельского флота, высокоскоростные бронированные крейсера, торпедоносцы; все они с замечательной скоростью слаженно плыли и перестраивались под волнами.



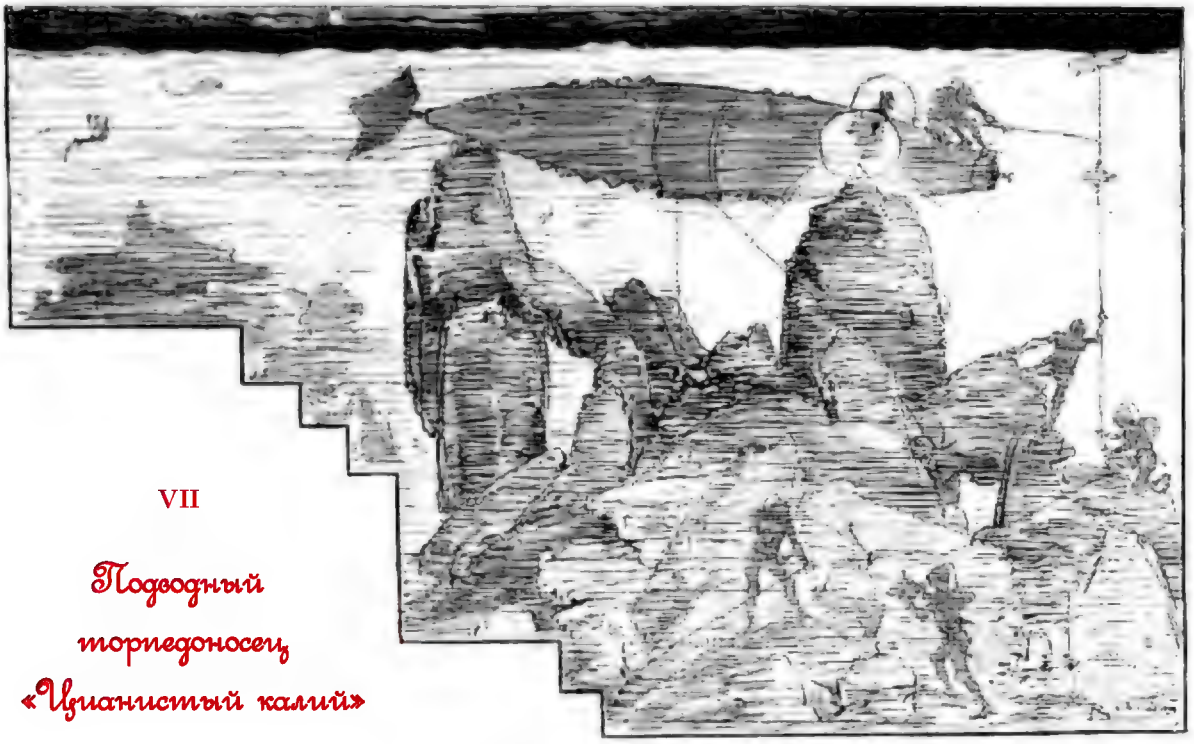
Французский флот, столь же многочисленный и не менее внушительный, находился далеко в море, транспортируя подводную пехоту и десантные войска. Инженер-адмирал планировал атаковать и потопить вражеский флот, прежде чем напасть на неприятельские порты.

Фабиусу Молина было приказано присоединиться к флоту; по причине блестящей службы, он был придан морякам в качестве инженера-торпедиста и в силу рекомендации адмирала назначен командиром «Цианистого калия», подводного торпедного корабля новейшей конструкции.

Фабиус, не теряя времени, поспешил в порт, где стояло вверенное ему судно. «Цианистый калий» обладал весьма малыми размерами и брал на борт всего лишь шесть человек; это был один из небольших, вытянутых, напоминавших очертаниями рыбу торпедоносцев, предназначенных для быстрых действий и в то же время опасных разведывательных миссий, один из смертоносных морских пигмеев, которые незримо скользят под водой и направляют свои торпеды на корпуса громадных мониторов*.

---

* У Робида «Цианистый калий» вооружен торпедным аппаратом, однако далее сказано, что торпеды буквально «прикрепляются» к вражескому судну, т. е. речь идет о некоей комбинации самодвижущихся торпед и магнитных мин.



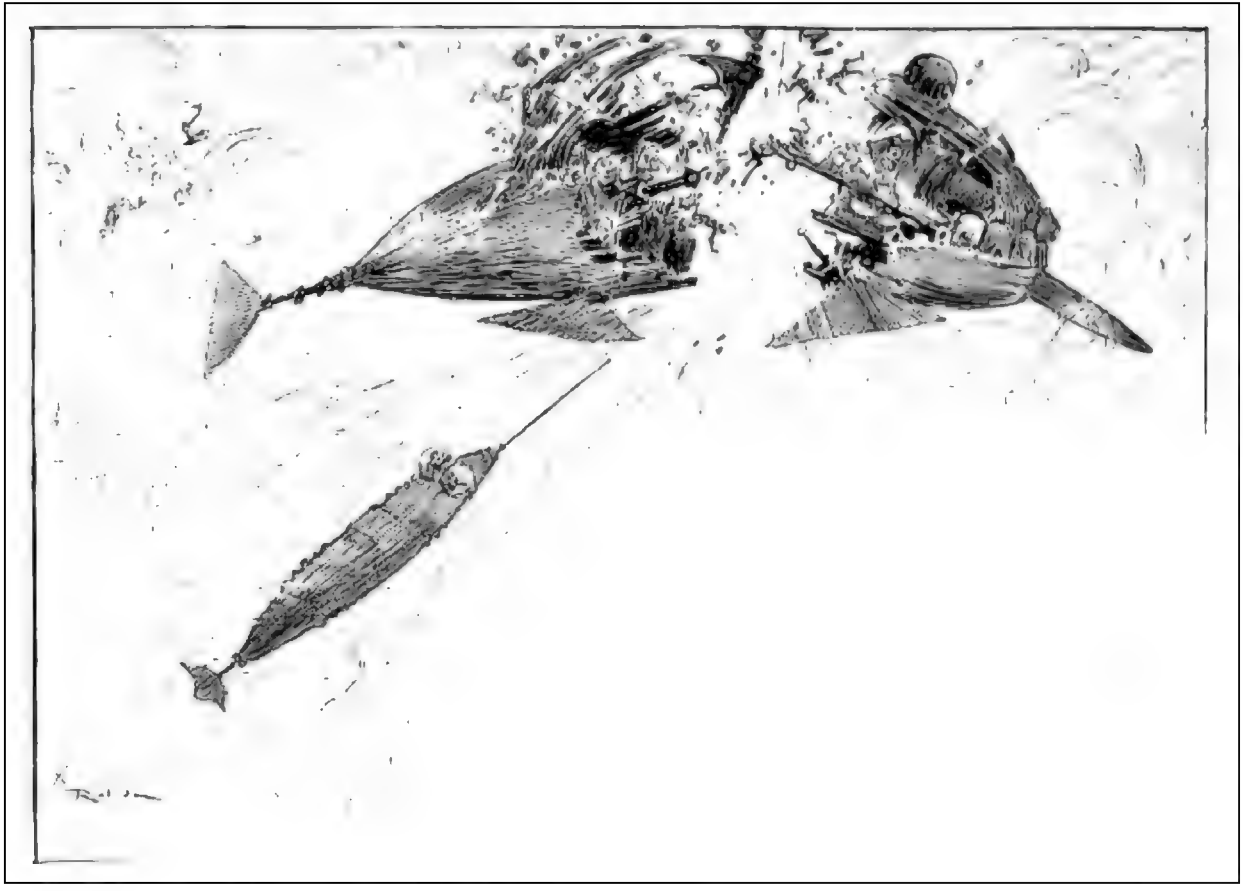
VII

Подводный торпедоносец «Цианистый калий»

— Вы настоящий сухопутный волк, — сказал адмирал, передавая Молина бразды правления торпедным кораблем. — Проявите-ка свои дарования в море!

— Черт побери! Вы еще в них убедитесь, как и враги! — скромно ответствовал Молина.

Едва не задевая морское дно, скрываясь среди поросших водорослями скал, «Цианистый калий» помчался вперед. После двухдневного плавания судно вошло во враждебные воды и чуть не налетело на ряды мин, защищавшие берега. Семьдесят два часа вся команда трудилась, не зная ни секунды передышки; за это время Молина удалось отключить три линии мин, тянувшиеся на двадцать лиг или более.



Молина предусмотрительно оставил подводные кабели мин нетронутыми: пусть враг считает, что его средства обороны исправны; после он без малейших происшествий обезвредил оставшиеся мины.

Оставался еще один ряд мин, на оконечности рейда, где неприятельский флот обыкновенно заряжал свои электрические батареи. «Цианистый калий» сумел приблизиться к ним, не будучи замеченным; но на сей раз Молина не обезвредил мины — у него сложился другой план. Он перерезал вражеский кабель и подсоединил цепочку мин к своей электрической батарее. Затем «Цианистый калий», спрятавшись в скальном гроте и дыша через воздушную трубку, стал ждать момента, когда флот противника начнет выходить в открытое море.

— Начинайте! — наконец бросил Молина главному электрику.

Мины взорвались, семь мониторов разлетелись на части, исчезнув в гигантском водяном смерче; пять или шесть других были выброшены на берег с серьезными повреждениями. Нескольким передним мониторам удалось пройти; бравый «Цианистый калий» выскочил из укрытия и направил торпеду в борт огромного боевого корабля.

То был последний подвиг «Калия»: нос тонущего вражеского корабля рухнул на подводного охотника, раздробил трубу торпедного аппарата и вывел из строя двигатель. «Калий» сделался теперь совершенно беспомощен — и в этот миг Молина заметил разведчиков и торпедоносцы противника, с бешеной скоростью несущиеся к его судну.

— Совершим-ка обманный маневр! — пробормотал себе под нос Молина.

И вместо того, чтобы спасаться бегством, направившись в открытое море, он тотчас повернул к берегу и скрылся среди скал.

«Калий» скользил между скалами и быстро пересекал открытые водные пространства; однако же его вплотную, иногда почти настигая судно, преследовали вражеские торпедоносцы. С наступлением темноты «Цианистый калий» сел на мель в устье реки.

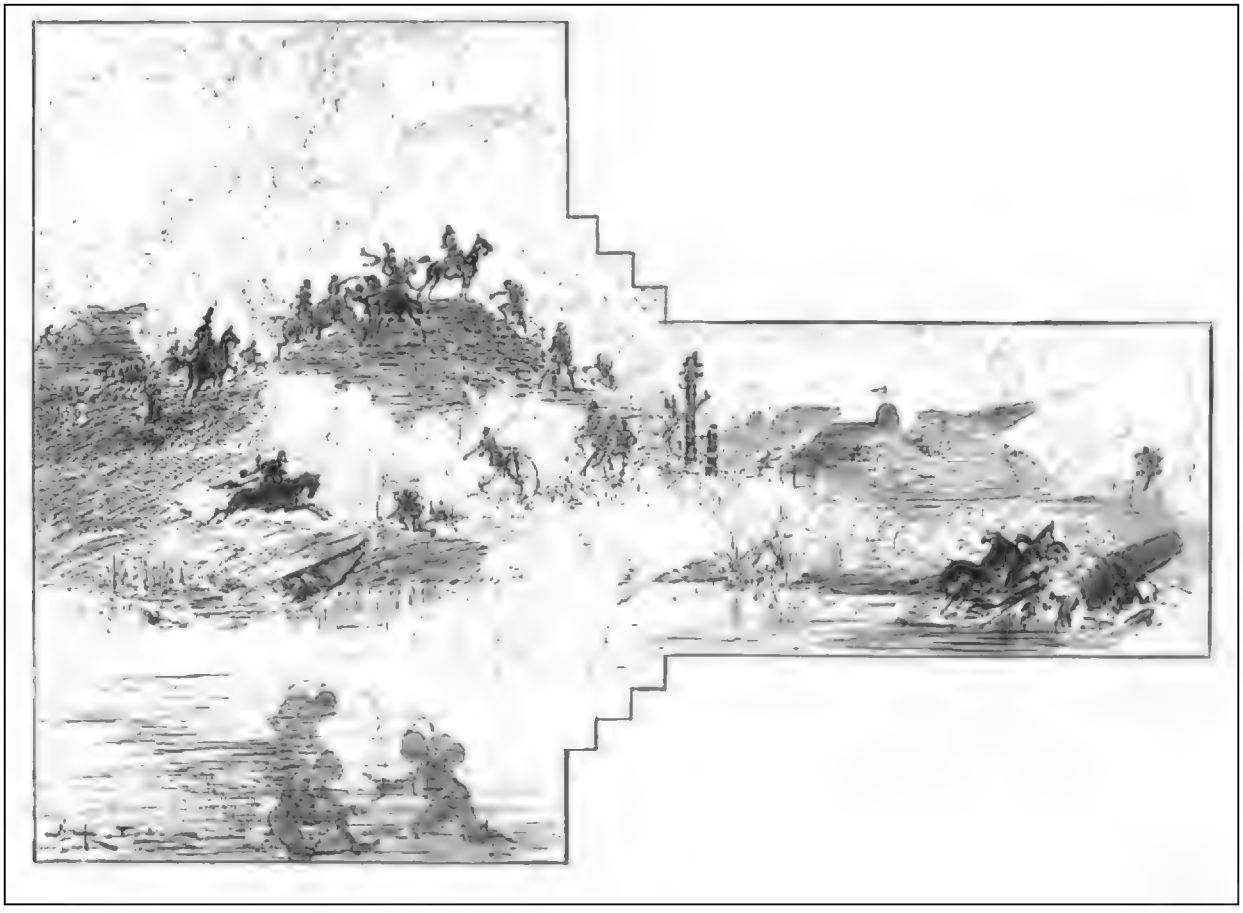
Два вражеских разведывательных корабля, не успевшие вовремя изменить курс, столкнулись и взорвались. Воспользовавшись суматохой, Молина велел своим людям надеть скафандры: оставалось испробовать последнее средство. Команда еле спаслась, так как неприятельские водолазы уже начали проламывать топорами обшивку «Цианида».

Молина и его люди выскользнули из корабля и устремились по морскому дну в неведомое. После секундного замешательства вражеские ныряльщики бросились в погоню. Французы пробирались между липкими скалами; время от времени они останавливались и посылали в неприятеля залп из своих карабинов, стрелявших с помощью сжатого воздуха. Затем, сделав внезапный крюк, Молина вывел своих людей в небольшую бухту; выиграв таким образом время, они метнулись к реке.

Они шли девять дней. Иногда брели по берегу, порой же, проходя через города, погружались в реку; и по пятам за ними, то теряя, то вновь находя их следы, неотступно мчались кавалеристы, отправленные в погоню. В один прекрасный день Молина услышал приглушенные звуки орудийной пальбы. Вода хорошо проводит звук; не могло быть никаких сомнений, что лигах в двадцати пяти от маленького отряда идет сражение и что вскоре они вновь присоединятся к французской армии!

— Вперед, черт побери!

Прошло еще три дня форсированного марша. Молина и его спутники удвоили осторожность и беспрепятственно миновали несколько вражеских позиций. И наконец Молина разглядел французскую военную форму; в разгар перестрелки, в момент стычки на берегу реки, Молина и его водолазы на глазах у изумленных солдат выбрались из реки.



— Что это за люди? — требовательно осведомился генерал, отдававший по телефону приказы.

— Браво! — сказал генерал после того, как Молина объяснил появление отряда на поле битвы. — Но прежде, чем вас увезут санитары, у меня имеется для вас поручение.

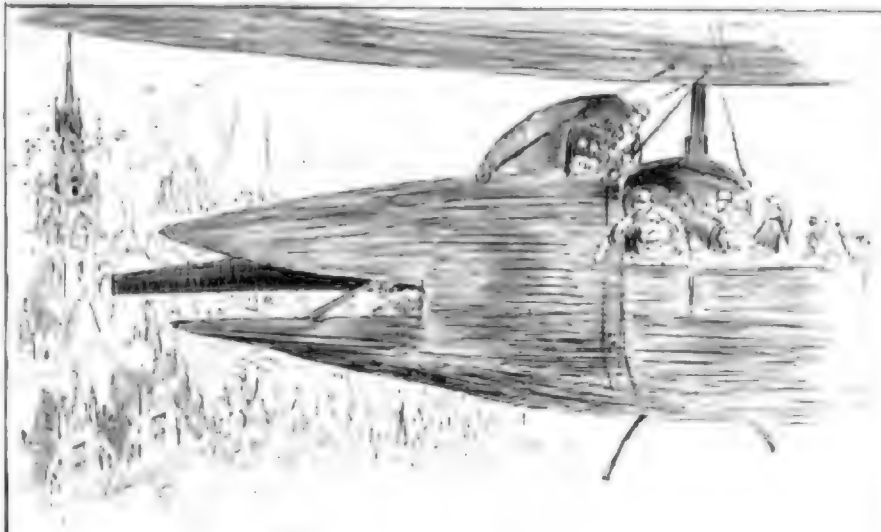
— К вашим услугам! — отвечал Молина.

— Вам придется вернуться в воду!

— Есть! — произнес Молина.

— Вы спуститесь в реку вместе со своими людьми; в лиге от нас проходит первая линия неприятеля — вы ее пересечете! Далее расположена батарея громадных бронированных локомотивов; вы преодолеете это препятствие, несмотря на неприятельский огонь! Еще дальше вы обнаружите телефонные линии, служащие для связи между левым флангом противника, где я устрою превосходную диверсию, и правым флангом, который я сокрушу... Вы перережете телефонные провода. Выполнив операцию, вы вернетесь обратно под огнем вражеских локомотивов. По возвращении явитесь ко мне с рапортом. Пошевеливайтесь!

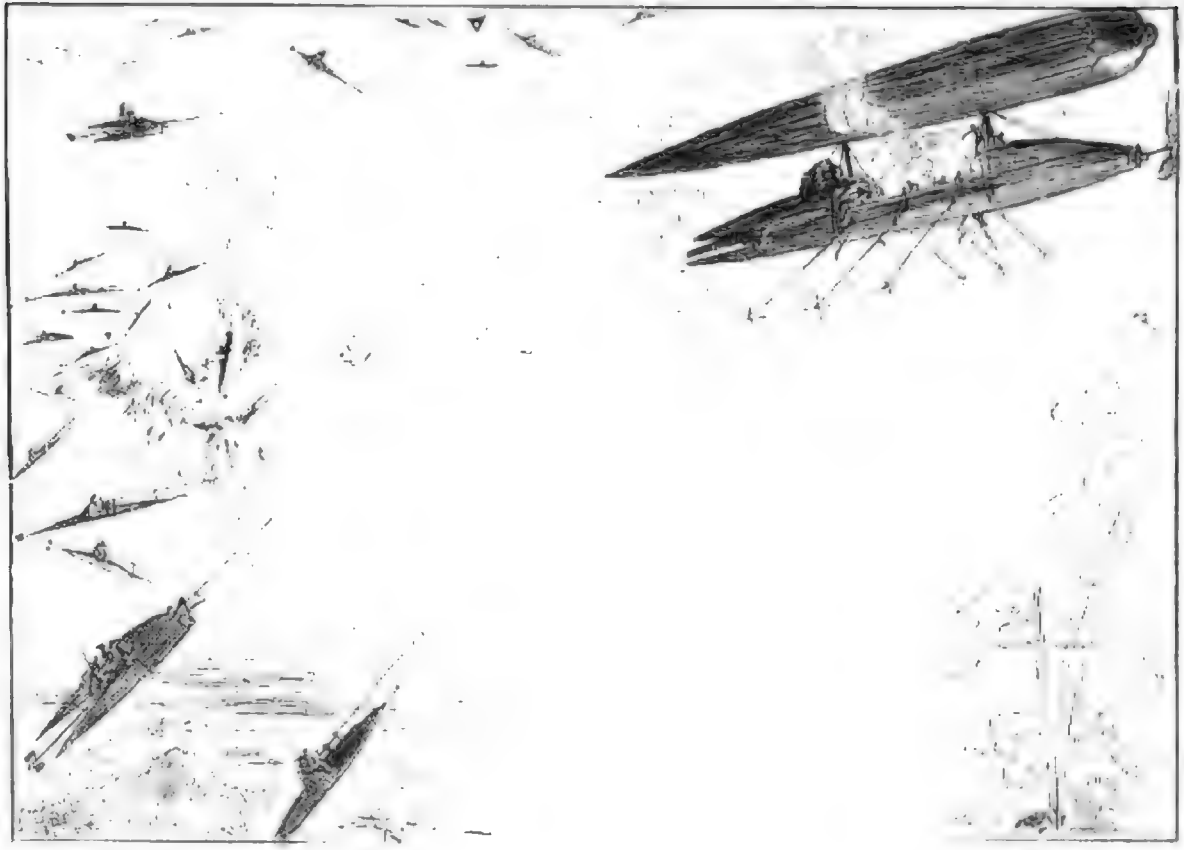
Молина, однако, был уже в пути.



VIII

Воздушный вольтижер № 39

Успешно завершив свою миссию, Молина вернулся с двумя новыми ранениями. Он направился прямо к санитарам и был спешно эвакуирован во французский госпиталь. Спустя три недели он оправился и получил приказ вновь присоединиться к воздушной эскадре, где ему надлежало принять под свое командование «Воздушного вольтижера № 39».

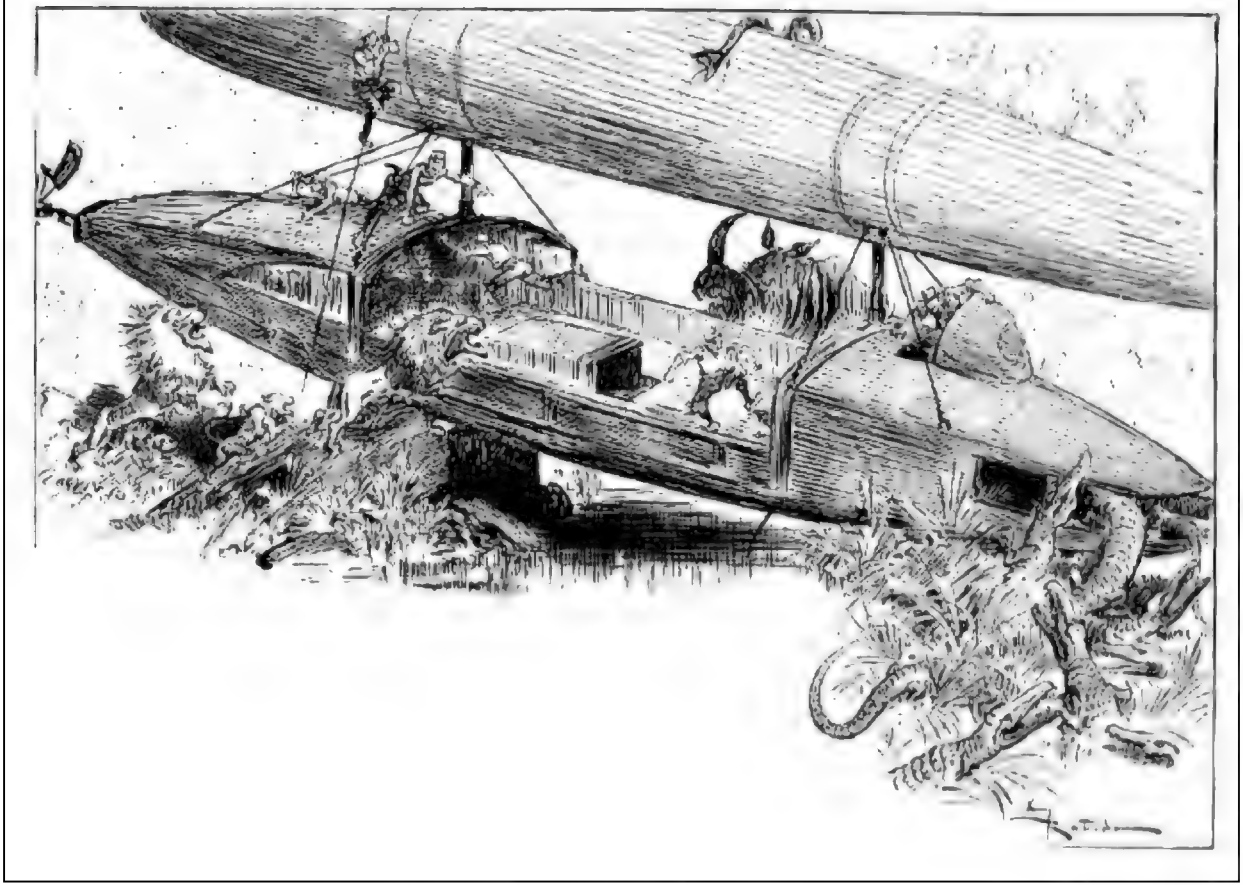


Следуя указаниям главного инженера, Молина окольным путем достиг северных провинций врага, совершая время от времени быстрые налеты с целью расстроить неприятельские службы, перерезать телефонные линии, наложить на города военную контрибуцию и по возможности разбомбить с воздуха вражеские укрепления.

«Воздушный вольтижер № 39», под командованием Молина, своими стремительными нападениями, внезапными появлениями и неожиданными атаками причинял врагу невероятное беспокойство. Неприятельские аэронефы напрасно тратили время, бесплодно рыская по какому-либо участку, тогда как он уже сеял разрушения в пятидесяти лигах от них. В отчаянии враг бросил на его поиски целый флот при поддержке малых самостоятельных воздушных торпедоносцев. Наконец один из разведчиков заметил «Вольтижера», и вскоре корабль нагнали и окружили бесчисленные торпедоносцы, малые и крупные, с экипажами от двух до шести человек. Молина понимал, что спасти его может лишь дерзновенная отвага. Он решил все поставить на карту, атаковал первым, прорвал строй вражеских торпедоносцев и помчался прочь, преследуемый всей эскадрой.

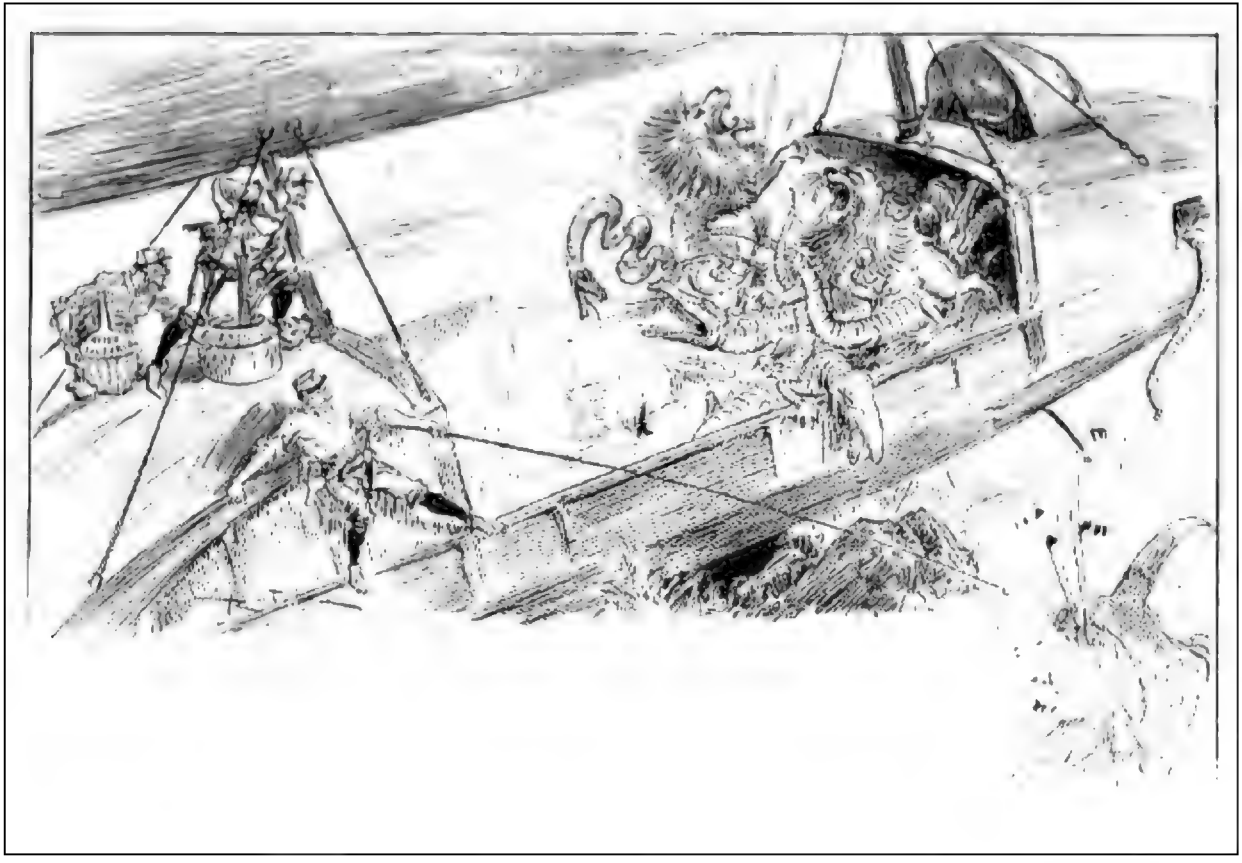
— Черт подери! — произнес Молина. — Раз уж здесь больше нечего делать, устрою-ка я сюрприз их колониям!

И, пользуясь благоприятным шквальным ветром, он немедленно повернул на юг; за ним последовали лишь несколько упорных торпедоносцев, которые разгадали план Молина и попытались на всей скорости нагнать «Вольтижера». Но Молина так и не позволил врагам приблизиться к кораблю или застать себя врасплох; искусно маневрируя, он сбил один за другим все торпедоносцы. Тем не менее, отчаянные выстрелы последнего корабля повредили пропеллерный вал и рули «Вольтижера». Неприятельские колонии были спасены.



Нанесенные кораблю повреждения принудили Молина спуститься в лесистой местности, на берегу реки; оглядевшись вокруг, он сейчас же признал в этой реке Белый Нил. «Вольтижер» находился в сотнях лиг от африканской Бельгии, от империи озер, французского Конго и американских колоний.

Молина и его команда были заняты ремонтом «Вольтижера», когда вдруг появились дикие звери, привлеченные запахом свежего мяса и немало устрашившие путешественников. Пренеприятнейшая встреча! Здесь было семейство львов, носорог и его супруга, разнообразные змеи и целая стая крокодилов!



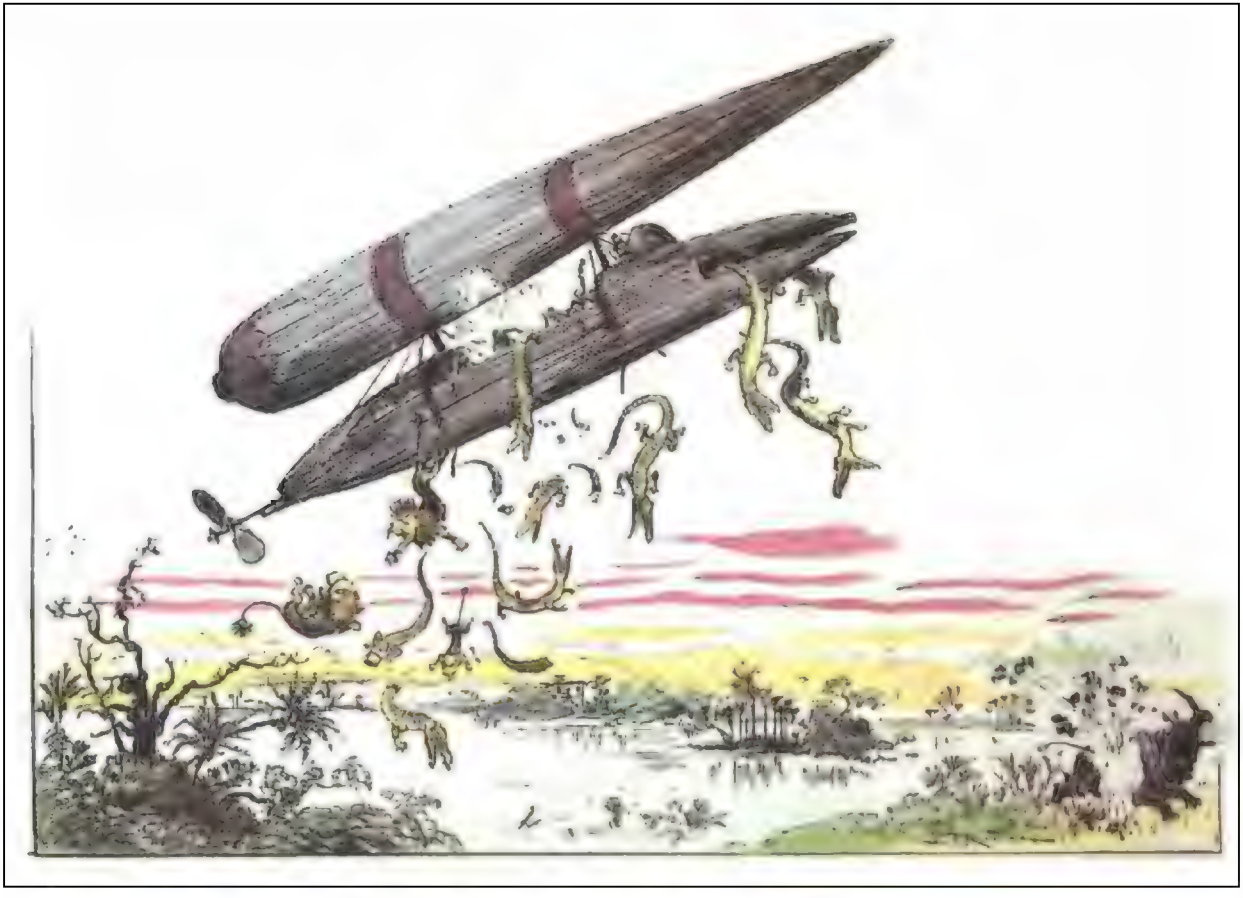
— Дичи что-то многовато! — вскричал Молина, поспешно отступая на корму.

Двигатель корабля был снят для ремонта, что обрекало «Вольтижер» на неподвижность. Вторжение хищников тем временем продолжалось; львы и крокодилы проявляли все большую невоспитанность.

— Выбирайте по своему вкусу, не стесняйтесь! — произнес заместитель Молина, лейтенант, отличавшийся любовью к мрачным шуткам. — Что предпочитаете — желудок льва или утробу крокодила?

— Довольно! — в сердцах воскликнул Молина. — Говорю вам, это всего лишь дичь! Разве у нас не осталось запасов серной кислоты? Быстрее, в трюмы!

С превеликим трудом команда установила на кормовой артиллерийской площадке сосуд с серной кислотой и подсоединила к нему ручной насос.



Когда оборона была организована по всем правилам, Молина угостил первым зарядом тупоголового носорога, который грозил «Вольтижеру» дальнейшими разрушениями. Эта горькая пилюля заставила того взорваться, разлетевшись на пятнадцать кусков — к величайшему удивлению его супруги.

— Желаете также попробовать, мадам? — любезно спросил Молина.

Звери начали наступать на позиции Молина и его людей, но в этот миг заработал насос! Струи серной кислоты, угодив сперва в величественного отца львиного семейства, а затем в наползающую стаю крокодилов, значительно охладили пыл нападавших. Как они прыгали! Как извивались! Как ревели и рычали!

— Качайте, качайте! — велел Молина. — Осторожнее, и мы их всех достанем!

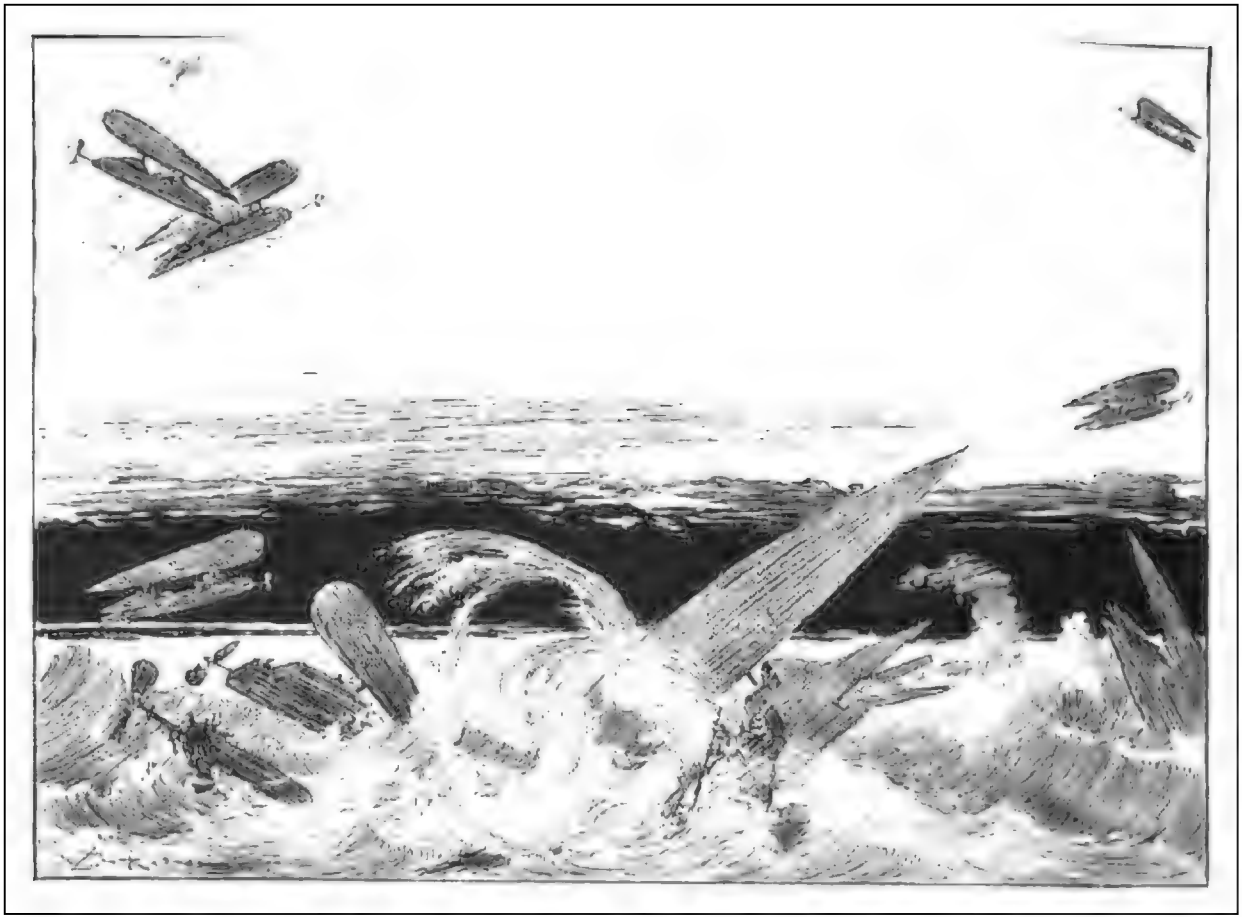
Команда искусно управлялась с ручным насосом, и дождь серной кислоты орошал полчища хищников; пока битва продолжалась, двое людей принялись поспешно устанавливать двигатель на место.

Внезапно «Вольтижер», направляемый самой фортуной, взмыл в небо. Львы, змеи и крокодилы — поджаренные, обожженные, горящие — бросились с палубы вниз и разбились о камни.

IX

Воздушные баталии

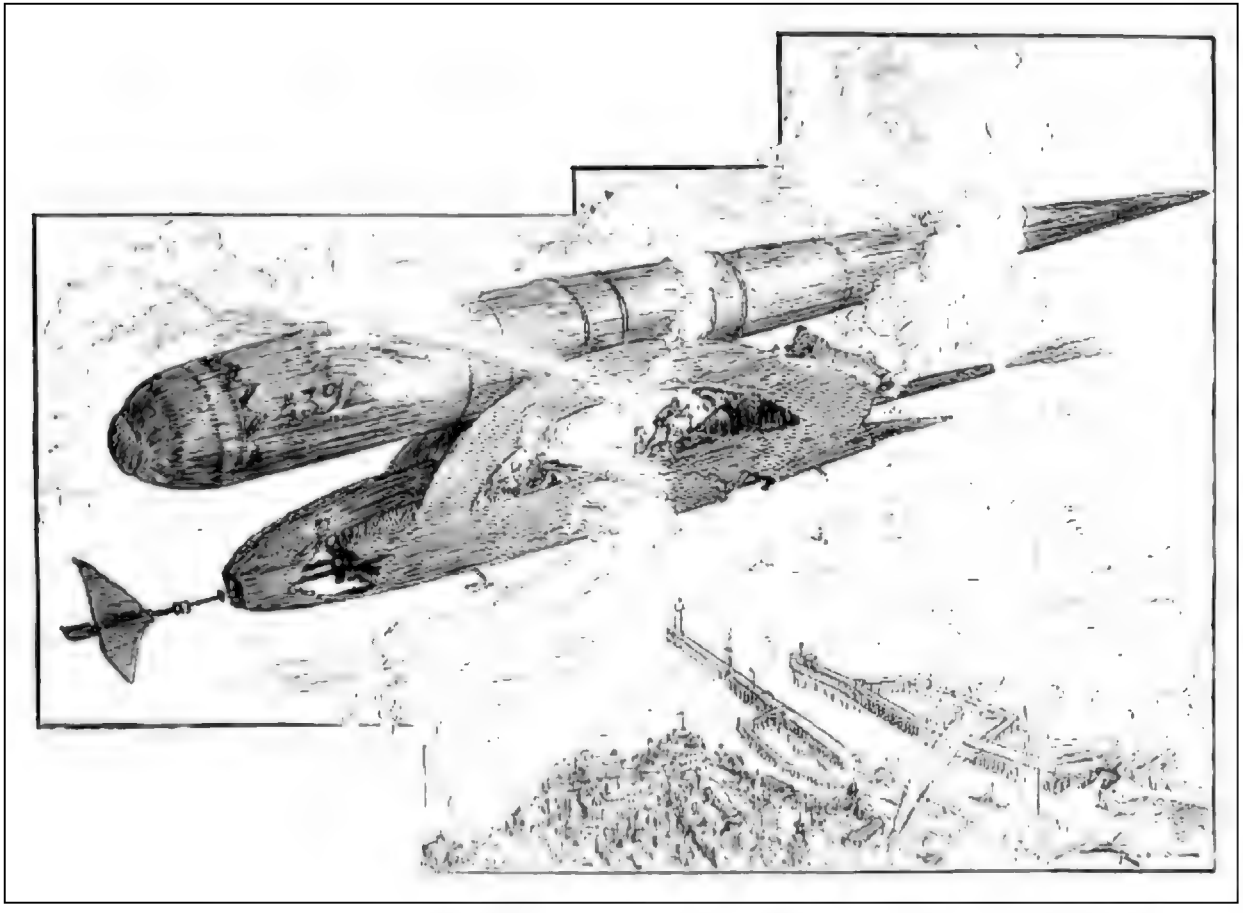
«Вольтижер 39» снова присоединился к воздушному флоту над Средиземным морем. Время было дорого, и поэтому инженер-адмирал, поздравив Молина, немедленно определил его корабль в авангард. Согласно приказу адмирала, передовые корабли должны были сообщать о передвижениях неприятельского флота, не вступая в бой.



Однако, во время второго ночного вылета, когда «Вольтижер» летел в облаках на большой высоте, Молина представилась возможность неожиданно напасть и захватить большой неприятельский бомбовоз.

Доставив свою добычу в воздушный арсенал Антиба, Молина поспешил назад. Было получено известие о приближении огромного воздушного флота врага; в любую минуту должна была начаться одна из величайших воздушных баталий века. «Вольтижер» занял место на дальнем краю левого фланга. Молина, держа пальцы на электрических кнопках, внимательно оглядывал небо в поисках достойного противника.

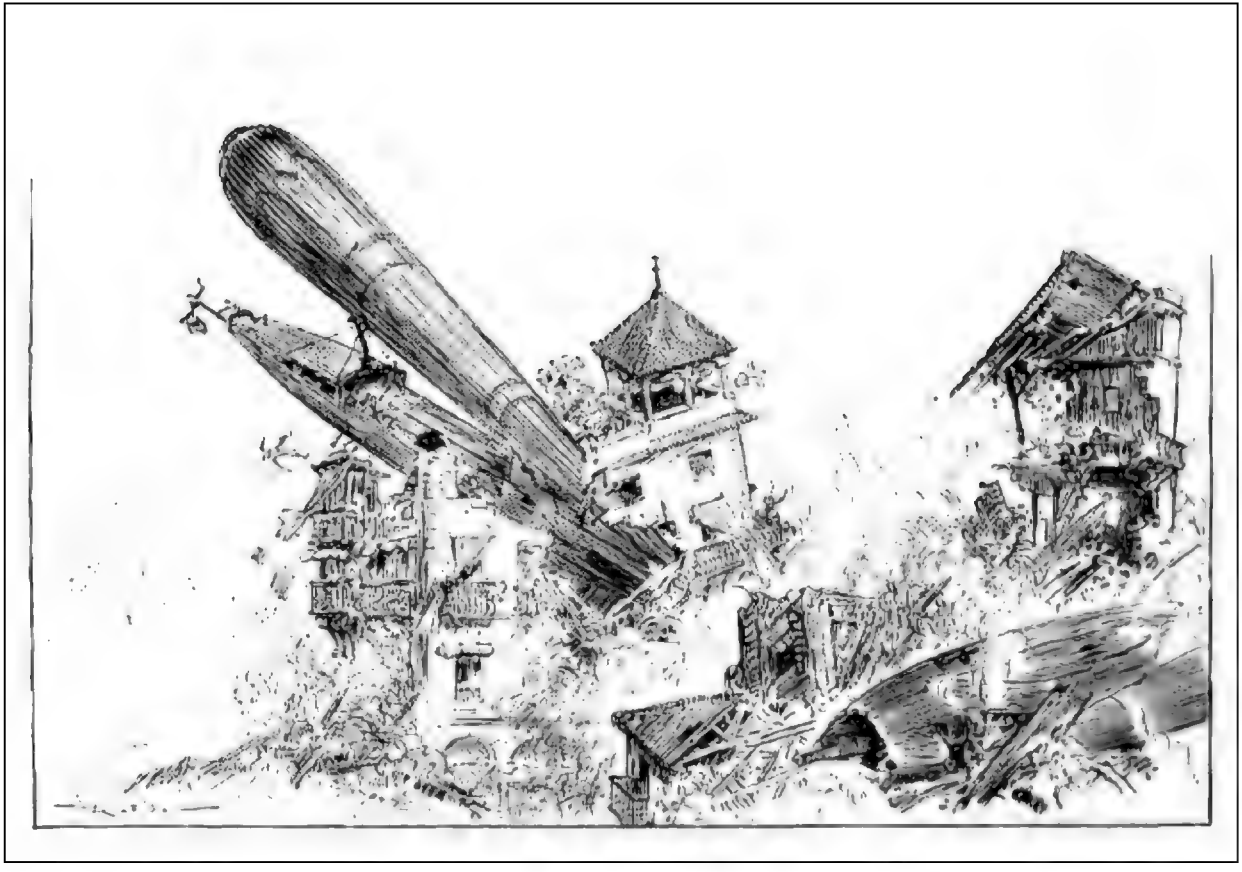
О, какая битва! Стычки лицом к лицу! Воздушная резня! Обломки кораблей падают с небес в глубины морские! Героизм французских и вражеских воинов! Чаша весов долго клонилась то в нашу, то в неприятельскую сторону; и когда мы были уже близки к победе, давно нависавшие над морем грозовые тучи разразились чудовищной бурей. Подхваченные яростным вихрем, оба воздушных флота, не прекращавшие сражаться, были заброшены за Гибралтар и рассеяны над Атлантическим океаном!



На протяжении трех дней уцелевшие корабли неслись на крыльях бури. В просветах туч они порой замечали друг друга и открывали пальбу; затем воздушные корабли снова теряли своих противников из виду. Но вдруг налетел ветер, и меж небесной синевой и зелеными водами океана показались берега Америки.

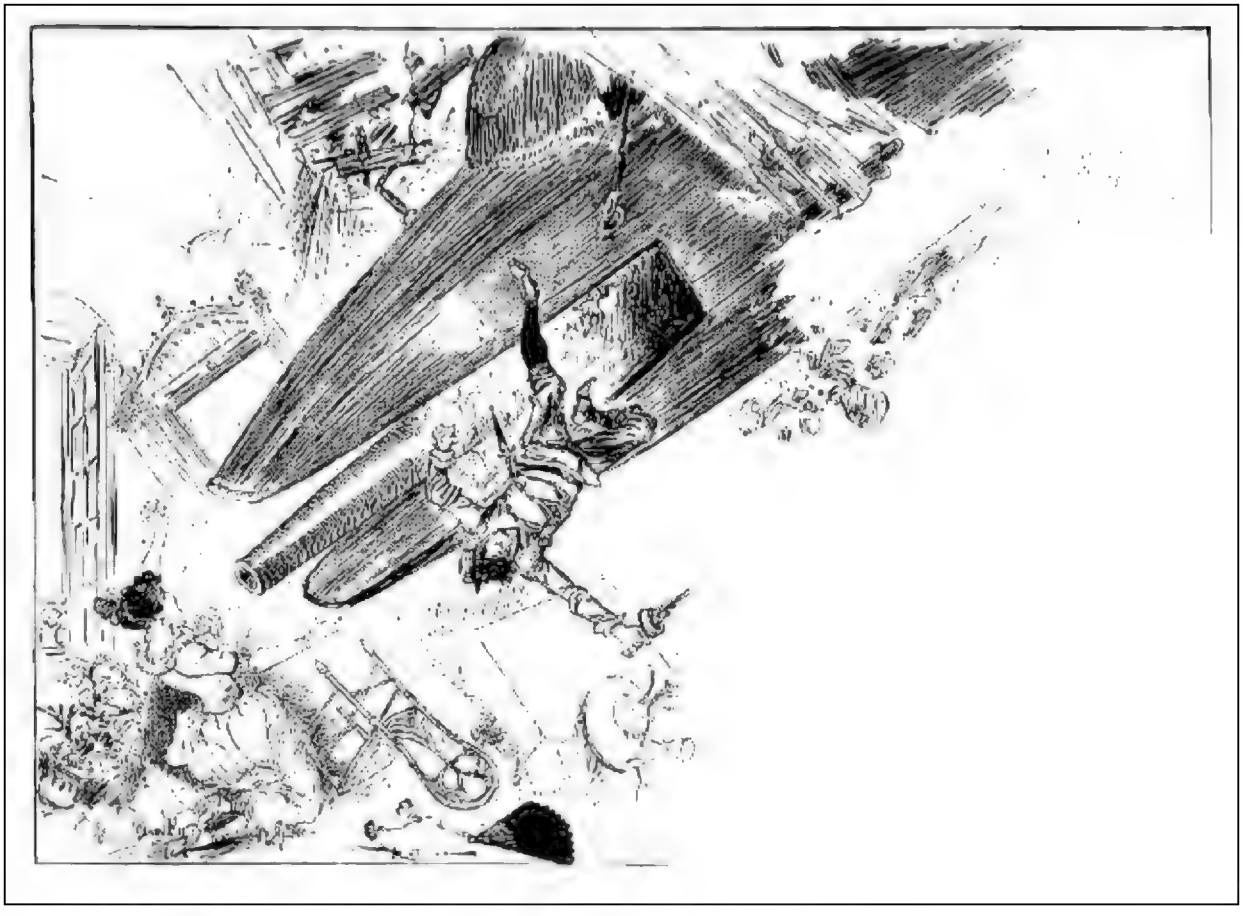
— Мексика! — проговорил Молина, определив местонахождение «Вольтижера».

Он огляделся вокруг. Рядом виднелся единственный вражеский аэронеф. Оба корабля были сильно потрепаны битвой и штормом и едва держались в воздухе. Обоим было абсолютно необходимо спуститься на берег, чтобы исправить повреждения — но прежде всего они стремились возобновить сражение.



Молина сам навел пушку и первым же снарядом сумел проделать дыру в корпусе врага.

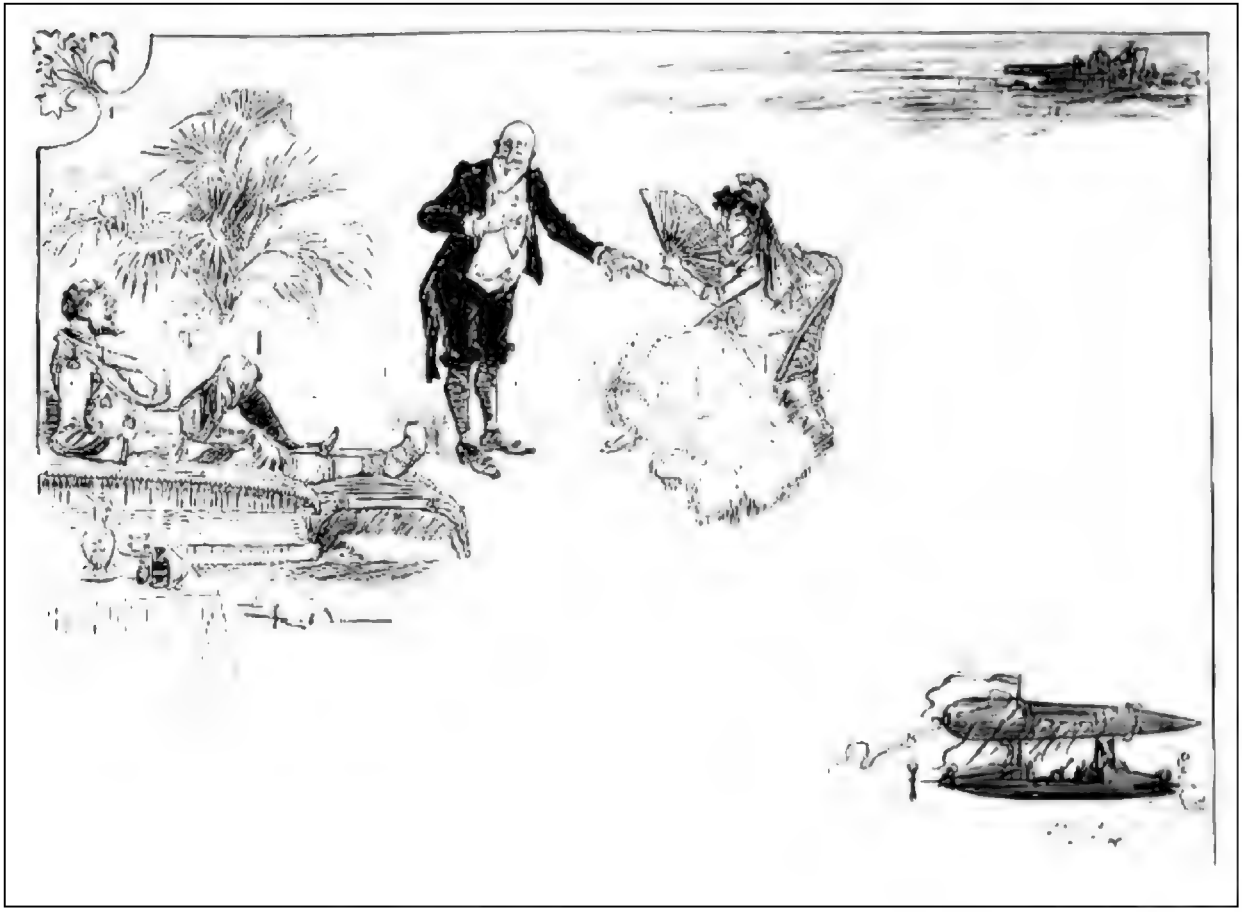
Пушки непрерывно грохотали, аэронефы вились в воздухе, описывали виражи, взмывали и падали, и каждый пытался одержать верх посредством бесчисленных ложных выпадов и обманных маневров. В пылу схватки корабли очутились над большим мексиканским городом, жители которого с тревогой следили за перипетиями боя. Несколько снарядов уже упали на город, вызвав прискорбные разрушения и уничтожив три дома.



Наконец, прицельный выстрел поразил вражеский корабль и снаряд пронзил его от борта до борта; потеряв управление, аэронеф неприятеля начал медленно падать. Позабыв о всякой осторожности, противник осыпал «Вольтижера» дюжиной снарядов. Под громкие крики ужаса оба аэронефа накренились и в громадном облаке дыма, вращаясь, рухнули на город.

То было страшное, кошмарное падение; с ударом, подобным раскату грома, вражеский аэронеф столкнулся с памятником и исчез под обломками; «Вольтижеру», однако, удалось замедлить падение и, спускаясь по спирали, направить нос в сторону квартала элегантных особняков.

Во все стороны полетели обломки, крыша развалилась, и передняя часть «Вольтижера», пробив три потолка и разрушив стены, наконец замерла на первом этаже красивого здания, в восхитительной квартире, где в окружении изящной мебели Молина, покрытый славой и ранами, потерял сознание.



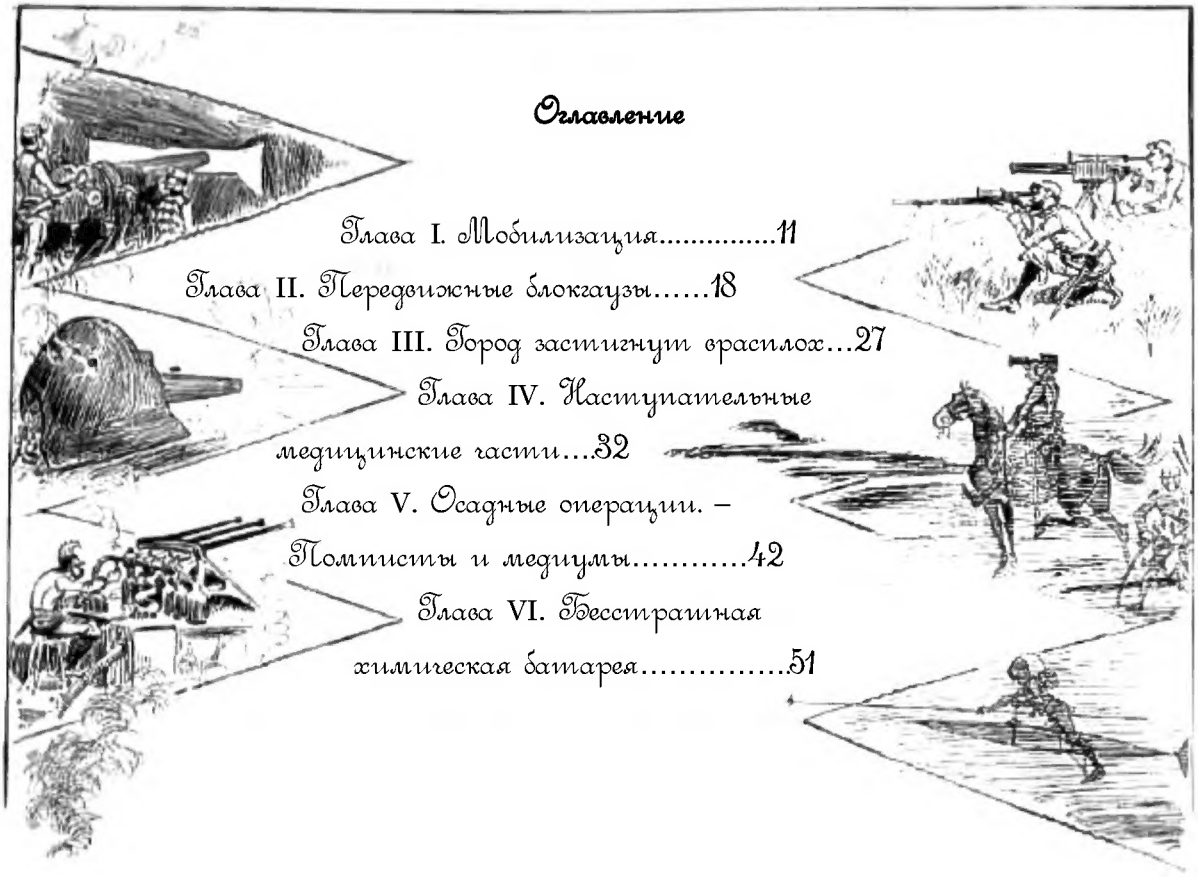
Хозяйка дома, прелестная сеньорита, принадлежавшая к высшей мексиканской аристократии, в страхе упала в обморок рядом с полумертвым Молина.

Она первой пришла в себя и не замедлила оказать раненому помощь. Долорес, юная мексиканка, никому не позволяла ухаживать за героем, который так неожиданно ворвался в ее покои... и, вероятно, также в ее сердце.

Пятнадцать дней спустя, когда Молина, пользовавшийся почетом и уважением всех горожан, начал выздоравливать, отец Долорес, одетый в свой лучший фрак, предложил Фабиусу войти в семью — поскольку в дом он как-никак уже вошел.

Капитан «Вольтижера» был свободен. Телефонограф только что разнес по всем уголкам света весть о подписании славного мира...

И через некоторое время мой друг Фабиус Молина, излечившийся от ран и счастливо женатый, с триумфом отправился в обратный путь. Он возвращался во Францию на борту «Вольтижера» — отремонтированного, пополненного припасами и радостно украшенного всеми вымпелами и флагами.



Оглавление

Глава I. Мобилизация.....11

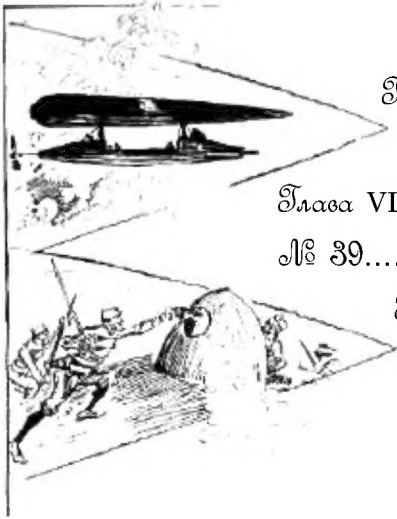
Глава II. Передвижные блокгаузы.....18

Глава III. Город застигнут врасплох...27

Глава IV. Наступательные медицинские части...32

Глава V. Осадные операции. – Помписты и медиумы.....42

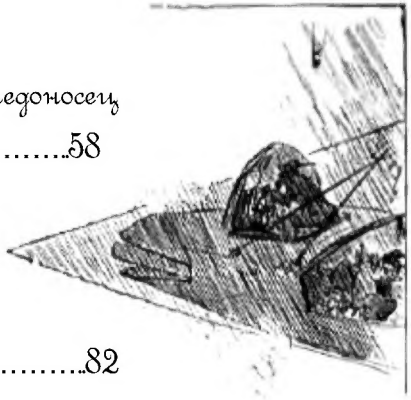
Глава VI. Бесстрашная химическая батарея.....51



Глава VII. Подводный торпедоносец «Цианистый калий».....58

Глава VIII. Воздушный волынщик № 39.....71

Глава IX. Воздушные баталии.....82



POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.